

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Стенограмма

**КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО «ВОЕННОЙ»
ЭКОНОМИКЕ РОССИИ**

22 сентября 2016 | Москва

МОДЕРАТОР:

Андрей Мовчан, директор программы «Экономическая политика» Московского Центра Карнеги

Мовчан. Коллеги, у нас академические 15 минут истекли, у нас 19 человек из 25, так что, мне кажется, по всем признакам мы можем начинать, тем более что начало у нас все равно медленное, и даже Сережа Солонин успеет подойти, который здесь говорит по телефону, пока мы начинаем. У нас уже традиционная встреча, для того чтобы поесть, а поскольку мы просто так поесть не можем прийти в Москве, то мы придумываем темы.

Сегодня тема у нас не самая популярная, и поэтому я, честно говоря, даже не ожидал, что соберется 25 человек. Тема очень локальная. Это «Военная экономика», то есть фактически оборонная индустрия и влияние на ВВП — и все, что с этим связано. Я обещаю, что следующие темы будут более крупными. Я думаю, что следующий стол мы проведем по IT и по индустрии hi-tech, там народу будет побольше и, наверное, поговорить можно будет побольше, но зато у нас сегодня собрались очень интересные люди, которым есть что сказать.

Я надеюсь, что сейчас первый круг, который мы сделаем, все быстро представятся — и мы все будем понимать, кто с кем разговаривает. Скажем так, кроме меня все будут понимать, кто с кем разговаривает. И дальше, естественно, кто уже бывал, помнят, а я для пришедших в первый раз скажу, что у нас действует «правило Chatham House», то есть мы можем использовать слова друг друга без ссылок и никто ничего не печатает со ссылкой, если этого не хочет тот, кто говорил. На Carnegie.ru мы печатаем обычно протокол вот этой встречи. У нас...

Зайдете, вы посмотрите, там есть предыдущие круглые столы, но там отсутствуют слова тех, кто не дал разрешения на то, чтобы его там публиковали. В частности, у нас на прошлом круглом столе был представитель Минфина, говорил очень много, интересно, очень позитивно и очень детально, а потом, к сожалению, сказал, что ничего из этого нельзя печатать, поэтому ничего этого там нет. Не надо специально бежать, что-то говорить. У нас там наши редакторы будут опрашивать каждого по поводу того — можно, нельзя. Значит, если человек говорит «можно», то только тогда все будет печататься.

И работаем мы в режиме совершенно свободной дискуссии. У нас нет никаких ораторов или слушателей, любой человек, если у него есть желание сказать, он говорит. У нас есть несколько людей с желанием сказать, заготовленных заранее, включая меня, а кроме этого, дальше, так сказать, может быть любая дискуссия. Длина выступления не установлена. Хотел сказать «тема не установлена», но тема установлена, это все-таки «Военная экономика». И расходимся мы тогда, когда люди захотят расходиться, каждый уходит, когда хочет, естественным образом. Я тоже сразу предупрежу, что я буду не последним, кто уйдет, очевидно, по крайней мере по опыту так бывает, что я не последний, кто уходит. И вот это, собственно, вся организационная часть.

Как-то волшебным образом раньше у нас получалось, что процесс дискуссии становился живым и активным. Я модеррую минимально. Я надеюсь, что и сейчас так получится, все основания для этого у меня есть. Соответственно, дальше... Я сейчас просто передам микрофон по часовой стрелке, и просьба быстро рассказать, кто, что, откуда, почему. Потом, когда микрофон дойдет обратно до меня, я буквально три минуты расскажу какие-то свои мысли по поводу военной экономики и свои цифры. Я специально взял несколько листочков, слайдов. Это просто некоторый набор цифр и фактов, которые могут всех заинтересовать. Ну а дальше — дальше пойдем просто по наибольшему желанию говорить. Окей? Да, и еда, и напитки в распоряжении. Традиционно люди встают и берут еду, когда

хотят, жуют, когда хотят, с такой громкостью, как хотят. Это никак не влияет на выступающих.

Жен. Вайфай, если будет нужен.

Мовчан. Спасибо. Да, и вот здесь у нас раздают вайфай, если кому-то нужно. Значит, просто можно обратиться к нашим девушкам — и они дадут вайфай. Все. Поехали?

Сулькис. Коллеги, меня зовут Игорь Сулькис. Я занимаюсь сделками слияния, поглощения и инвестиционными проектами. Профессионально к тематике ВПК отношения не имею, но где-то года полтора назад моя жена как-то интересовалась, как влияют инвестиции ВПК на экономику страны, по этому поводу я написал статью, на которую отреагировал Андрей тогда. Помнишь? В общем, я дилетант в ВПК, но, в общем, специалист в инвестициях. Все.

Зацепин. Меня зовут Василий Зацепин. Я представляю лабораторию военной экономики Института Гайдара и соответствующее подразделение Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте. Эта тема, безусловно, область моих профессиональных интересов. Мне есть, безусловно, что сказать, но закрытой информацией, в отличие от представителя Минфина, который выступал на прошлой встрече, я не обладаю, и это наша принципиальная позиция — не использовать закрытую информацию. Все.

Пухов. Пухов Руслан, директор Центра анализа стратегий и технологий. Последние 20 лет занимаемся ВПК (в части, касающейся производства обычных вооружений, то есть минус «Росатом», минус средства доставки, минус «Роскосмос») и военно-техническим сотрудничеством. Надеюсь, что мне тоже будет что сказать в какой-то момент.

Крутихин. Я занимаюсь нефтью и газом последние 23 года. Михаил Крутихин, партнер компании RusEnergy. Не исключено, что я тоже буду иметь что добавить на заданную тему.

Волков. Денис Волков, «Левада-центр». Я думаю, что напрямую не имею отношения к военной экономике. Что-то писал по поводу общественного мнения в связи с конфликтом на Украине, в Сирии и так далее. Может быть, что-то можно будет добавить.

Гуревич. Владимир Гуревич, РАНХиГС и Economy Times. Отношение к военной экономике у меня появилось впервые в конце 80-х годов, когда мы пытались выяснить, каковы истинные размеры оборонных расходов и ВПК в Советском Союзе. Мы серьезно разошлись с ЦРУ, поскольку ЦРУ полагало, что это гораздо меньше, а мы полагали, что гораздо больше. Я не могу сказать, что мы пришли к единому мнению — не с ЦРУ, но даже между собой. Тем не менее этот анализ в условиях еще более закрытой экономики и статистики показал необычайную сложность подсчета. Думаю, что с этой проблемой мы отчасти столкнемся и сейчас, хотя, мне кажется, будет немножко полегче.

Баунов. Александр Баунов, эксперт Московского центра Карнеги, главный редактор ресурса Carnegie.ru. Соответственно, имею отношение ко всему, чем более-менее занимается «Карнеги».

Колесников. Андрей Колесников, руководитель программы «Внутренняя политика» Московского центра Карнеги, одновременно советник Академии народного хозяйства. Здесь лежит работа, сделанная Центром Карнеги отчасти совместно с «Левада-центром», под названием «Хотят ли русские войны». Это социологический анализ восприятия войны

и террора, если это интересно экономистам как некоторая подкладка для анализа экономических трендов. Надеюсь, это будет любопытно.

Мау. Владимир Мау, та же академия. Никакого отношения к теме не имею, хотел только послушать, именно поэтому и пришел.

Перенджиев. Александр Перенджиев, военный политолог, доцент кафедры политологии и социологии Российского экономического университета имени Плеханова. К теме военной экономики, полагаю, имею прямое отношение, хотя прямыми исследованиями не занимался, только в основном где-то что-то, так сказать, пытался разобраться в каких-то вопросах. Но, наверное, системно не обладаю, поэтому, конечно, было бы интересно послушать всех здесь сидящих, чтобы, может быть, какая-то система в голове сложилась. А так изучаю институты антитеррористической политики и, безусловно, саму террористическую угрозу. В особенности в последнее время мне стала интересна тема именно взаимосвязи теневой экономики и террористической угрозы, в данном случае проштудировал и хорошо проанализировал книгу перуанского экономиста де Сото «Иной путь».

Ганелин. Добрый вечер, меня зовут Михаил Ганелин, я финансовый аналитик инвестиционной компании «Атон». Наверное, последние больше чем 10 лет я занимаюсь анализом разных отраслей экономики, я и в компании ищу акции, обращаюсь на фондовые биржи, в том числе смотрю на сектор машиностроения, оборонки, тех компаний, которые публичные. Занимаюсь не только этим сектором, у меня еще и банки, IT, как бы все вместе. И смотрю в основном, как работают наши военные предприятия, какие у них финансовые результаты, портфель заказов, как это все развивается.

Преображенский. Валентин Преображенский, основатель «Залога», площадки, позволяющей инвестировать в залог недвижимости. Ранее семь лет работал аналитиком и управляющим портфелем российских акций. Я делаю экосистему технологичных стартапов в России, более 70 встреч с основателями крупных технологичных бизнесов, один из них буквально два дня назад продан в Google. Это Api.ai, позволяющая разговаривать с искусственным интеллектом.

Также я делаю ужины «Экономика и политика», и мы запустили программу «Глобальное образование» 2009 года, через которую было финансировано примерно 400 студентов. К сожалению, она закрывается, и бюджет не продляется, хотя там осталось несколько миллиардов рублей, которые не успел выдать оператор. И мне сейчас так жалко этих денег, и думаю, как же их продлить дальше. Как бы мы сейчас имеем далекое к этому отношение, но, может быть, если кто-то знает, как эти деньги все-таки использовать для обучения за рубежом, мне кажется, это была бы очень простая и мощная вещь.

Оникул. Добрый день. Меня зовут Борис Оникул, я предприниматель, в основном в области связи и телекоммуникаций, с опытом работы в государственных структурах. Судя по тому, что сказали до меня, я, наверное, буду один из немногих, кто будет представлять vox populi, потому что никакого отношения к военно-промышленному комплексу я никогда не имел и думаю, что иметь не буду. Но мне очень интересно послушать. У меня тоже есть мнение именно как дилетанта, то, что мы видим, скажем так, со стороны предпринимательской деятельности.

Буклемишев. Добрый вечер, Олег Буклемишев, экономический факультет Московского университета. К данной теме не имею никакого отношения, кроме того, что я родился и

живу в стране, которая никогда не хотела и не хочет войны, и оба моих родителя действительно работали и в каком-то смысле продолжают работать в сфере ВПК.

Тонкочеев. Добрый вечер, меня зовут Евгений Тонкочеев. Я последние 20 лет работаю в различных инвестиционных компаниях, в одной из них я сейчас являюсь партнером, до того работал в компании «Базовый элемент» финансовым директором, генеральным директором, занимался управлением промышленных активов. Отношение к теме — старший лейтенант запаса, как, наверное, многие здесь.

Шаравин. Александр Шаравин, полковник в отставке, профессор. К ВПК относился в основном как заказчик. И в последнее время иногда (с помощью Владимира Мау) приглашают преподавать Военно-промышленной комиссии. Вот и все.

Гольц. Александр Гольц, заместитель главного редактора «Ежедневного журнала», есть такой веб-сайт, может быть, знаете. Последние лет 35 пишу на военные темы, включая и проблемы ВПК. И с очень большим интересом пришел сюда, очень хочется узнать, как на те глобальные вопросы, которые были заданы, мы ответим с помощью тех, пожалуй, двадцати известных официальных цифр о деятельности ВПК, которые нам известны.

Дворкин. Добрый вечер. Владимир Дворкин, ИМЭМО и по совместительству Московский центр Карнеги. Имею некоторый опыт по оценке влияния ВПК на экономику, вернее, не на всю экономику, большей частью на промышленность. Если это будет интересно, я могу поделиться.

Арбатова. Надежда Арбатова, заведующая отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН. Из этого следует, что я также не имею отношения к военной промышленности России, но я занимаюсь европейской интеграцией, в том числе и в военной сфере. И у Европейского союза есть здесь очень интересный опыт, который, думаю, мы не можем использовать.

Чиркова. Добрый вечер, Елена Чиркова, я преподаю на факультете экономических наук Высшей школы экономики. Параллельно я являюсь постоянным автором журнала «Деньги», который входит в холдинг «Коммерсантъ», это еженедельный финансовый журнал. Но писала для многих СМИ, в том числе писала для «Карнеги». У меня тоже нет никакой прямой связи с ВПК, особенно с учетом уточнения Андрея Мовчана, что военная экономика — это не экономика во время войны, потому что про это я, на самом деле, довольно много писала.

Один из предметов моего журналистского и научного интереса — это экономика тоталитарных режимов. У меня есть ряд статей, скажем, про использование рабского труда заключенных фашистской Германией, то есть было ли это рентабельно, эффективно и так далее, что имеет некое отношение к ВПК. Или, например, о том, как во время Первой мировой войны, потом Гражданской, как она там породила гиперинфляцию. Вот все мое отношение, но мне будет что сказать. Я как честная девушка, получив приглашение... Нехорошо же есть бесплатно, да? Я готовилась.

Родин. Добрый вечер. Дмитрий Родин, я более 10 лет работал в авиационной промышленности, был опыт работы по линии гособоронзаказа, работал с Военно-промышленной комиссией, так что, наверное, будут вопросы для такого обсуждения. Также есть опыт работы как с иностранными компаниями, так и с немногими частными

компаниями, которые занимаются производством именно по линии гособоронзаказа, и, естественно, со структурами «Ростеха».

Миркин. Отрасль вооружений, много «за» и «против». Для всех очень понятен кратковременный эффект оживления экономики и то, что экономика так вязка. Яков Миркин, Институт мировой экономики. И то, что экономика проявила такую вязкость во время кризиса, отчасти связано с эффектом роста военных расходов. Соответственно, очень важно, чтобы она в итоге не превратилась в крепость, не усугубилась тенденция к закрытости. Очень важно, чтобы восстанавливались гражданские отрасли производства, и очень важно, чтобы крупнейшие корпорации типа Объединенной судостроительной или авиастроительной корпорации не объявляли, что 70–80% их продукции — это военная продукция, а, например, гражданское судостроение — для России основным игроком не становилась бы Южная Корея. Пока так.

Арбатов. Меня зовут Алексей Арбатов, заведу Центром международной безопасности в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук и возглавляю, являюсь руководителем программы по нераспространению ядерного оружия в Московском центре Карнеги. Ну и конечно, еще много других у меня есть обязанностей и ассоциаций. Меня попросили сделать сообщение на эту тему, и я хочу сразу оговориться, что я не только не предприниматель, я вообще не экономист, не занимаюсь военной экономикой и не занимаюсь специально военно-промышленным комплексом.

Я занимаюсь вопросами безопасности на протяжении многих десятилетий, военной политики, политики в области ограничения вооружений. Но, безусловно, заниматься всем этим систематически невозможно, не затрагивая вопросы военного производства и военной промышленности. Я был 10 лет депутатом Государственной думы, заместителем председателя Комитета по обороне и за эти 10 лет просто в силу необходимости получил большой наглядный опыт общения с предприятиями военно-промышленного комплекса, с их руководителями. Кое в чем попытался способствовать более эффективной работе этой большой отрасли, но это опыт скорее прикладной, нежели научно-фундаментальный.

Поэтому я постараюсь построить свое выступление так, чтобы говорить о военной экономике не как об отдельном, изолированном острове или государстве, а как о части нашей политической, экономической системы, ну и в какой-то мере — важном элементе нашей внешней политики и безопасности. Я буду приводить некоторые данные, они все опираются исключительно на открытые источники. У нас, в «Карнеги», много работ на эту тему. В частности, вместе с Владимиром Зиновьевичем Дворкиным мы неоднократно выпускали, там вы можете найти много цифр, фактов, если посмотрите на соответствующий сайт. То же относится и к ИМЭМО, где в своих работах, статьях, коллективных монографиях мы эту тему затрагиваем.

Итак, позвольте мне начать следующим образом. В наших обсуждениях вопросов обороны постоянно приходится слышать сетования на отставание по финансированию от США и отставание по новейшим технологиям на одно или два поколения.

На самом деле, это – не главная беда. Ключевое наше отставание – это система принятия решений по военным программам и обороне в целом, причем это отставание уже более чем на полвека. Самое главное, что эта тема не осознается ни обществом, ни правительством и вообще отсутствует в общественном сознании.

Речь идет о революции в системе принятия решений, совершенной министром обороны США Робертом Макнамарой в начале 1960-х годов. Именно ей, помимо огромной экономики, США обязаны сейчас столь эффективной военной мощью на всех уровнях и растущим опережением по перспективным технологиям и методам ведения боевых действий. Позволю себе гипотетическое предположение: если бы мы обменялись военным бюджетом с США, то наша оборона не стала бы намного сильнее – просто издержки, затраты на чисто престижные вооружения и нецелевое использование средств выросли бы до гигантских размеров.

Конечно, никакая практика не может быть идеальной. И в США есть случаи нерациональных решений по программам оружия, сказывается давление лоббистов, есть коррупция и перерасходы бюджетных средств. Однако в целом там есть рациональный процесс принятия решений с широкой доступностью военной информации, решающим участием гражданских специалистов в аппарате министра обороны и министерств видов вооруженных сил, доскональным обсуждением всех вопросов и контролем независимого Конгресса, большим влиянием независимых научных центров.

А в России сохраняется примерно такой же образ принятия решений, как был в США до конца 1950-х годов. Военные ведомства вместе с оборонной промышленностью выходят со своими предложениями на политическое руководство, после чего эти предложения без тщательного анализа их рациональности подгоняются под намеченный объем военных расходов и автоматически утверждаются парламентом с теми или иными мелкими дополнениями. Информация мизерна и намеренно представлена в рекламном виде, который трудно поддается научному анализу, причем секретность год от года все растет.

Система выработки решений по программе вооружения остается закрытой, все вопросы решаются в закрытом порядке и в узком кругу, вне контекста ясной и разумной военной доктрины и стратегии, когда ставится задача готовиться к войнам любого типа и с любыми противниками, причем решающую роль играют интересы ведомств и их промышленных подрядчиков.

В рамках сложившегося механизма принятия решений трудно делать рациональный выбор между разными системами оружия и программами на основе анализа соотношения «стоимость — эффективность», сосредоточить ресурсы на том, что действительно необходимо для обороны. Все такие расчеты отданы на откуп видам ВС, а они не вмешиваются в дела друг друга, хотя соперничают за долю в бюджете.

В результате средства распыляются тонким слоем по множеству программ и проектов, не принося нужного эффекта и вызывая огромные дополнительные затраты на обучение по использованию и эксплуатации множества типов ВВТ.

Кроме того, провалы всех программ конверсии не позволяют оставлять крупные (особенно градообразующие) оборонные предприятия без госзаказа, даже если их продукция не нужна или не по средствам армии. Таким образом, ГОЗ становится не только и не столько инструментом технического оснащения ВС, сколько средством поддержания отраслей промышленности и зависящих от нее городов и социальной инфраструктуры. В таких условиях большое влияние на ГОЗ и государственную программу вооружений оказывают политические соображения, групповые интересы, лоббирование промышленных коопераций, регионов и индустриальных городов.

Принятая в 2011 г. Государственная программа вооружений до 2020 г. (ГОЗ-2020) является яркой иллюстрацией упомянутой системы.

Она не может не впечатлять (новая программа на 2016-2025 еще не принята). За исключением отдельных категорий, ГОЗ -2020 превосходит планы США, любой другой страны НАТО или Японии. Не известно, насколько эта программа будет выполнена, насколько растянута по срокам на период после 2020 г., но то, что было представлено в 2011-2012 гг. само по себе дает много пищи для размышлений о российской системе принятия решений в этой области и о взаимосвязи ее экономики и обороны.

Основные параметры ГПВ-2020 таковы. Вооруженные силы получают около 100 военных космических аппаратов, более 400 стратегических баллистических ракет наземного и морского базирования, 8 стратегических ракетных подводных лодок проекта 955 («Борей»), около 20 атомных и дизель-электрических многоцелевых подводных лодок, более 50 надводных кораблей, более 600 военных самолетов и 1000 вертолетов, в общей сложности около 3000 зенитных ракет С-400 «Триумф» и С-500 «Витязь», более 200 оперативно-тактических ракет Сухопутных войск системы «Искандер», свыше 2300 танков, около 2000 единиц самоходной артиллерии и ракетных систем залпового огня, более 17 000 единиц военной автомобильной техники. Поставлена задача к 2015 г. иметь на вооружении не менее 30%, а к 2020 г. — 70% новых вооружений и военной техники. Общая стоимость этой программы — 23 трлн руб., в том числе 19,5 трлн пойдет на закупку ВиВТ для армии и флота.

Насущная необходимость технического переоснащения ВС не вызывает сомнений, особенно в свете глубокого сокращения государственного оборонного заказа (ГОЗ) в условиях затяжного экономического кризиса и стагнации 1990-х годов и провала всех без исключения программ вооружения вплоть до ГПВ-2015 (ее коэффициент выполнения по количеству ВиВТ был 10% и ниже). Тем не менее, нынешняя программа вызывает сомнения по меньшей мере в нескольких аспектах.

Программа вооружений была изначально нереалистична в макроэкономическом плане. Запланированный рост затрат на НИОКР и закупку вооружений в рамках ГПВ-2020 предполагал общий объем военного бюджета примерно в 6 трлн руб. в 2020 г. Но если этот объем, как было заявлено, не превысит 3,5—4% ВВП, то в том же году российский ВВП должен достичь 150 трлн руб., т. е. увеличиться в два с половиной раза по сравнению с 2012 г. (60 трлн руб.). При этом речь идет о ценах 2012 г., что в нынешних ценах соответствовало бы 300 трлн. руб. В итоге приходится ГПВ-2020 по ходу дела свертывать, или пойти на гораздо большую долю военных расходов, чем 4% ВВП, за счет урезания и без того скудных гражданских статей федерального бюджета: социального обеспечения, здравоохранения, образования, науки и культуры, что происходит уже сейчас. Превышение 4% ВВП для нужд обороны в мирное время чревато крайне негативными последствиями для гражданской экономики и ростом социального напряжения.

Россия, имея военный бюджет примерно в девять раз меньший, чем у США (в 2016 г. соответственно 50 и 500 млрд. долл.), и сопоставимый с оборонными расходами Великобритании, Франции и ФРГ (соответственно 59, 58 и 45 млрд долл.), одновременно закупает больше типов вооружений, чем любая из названных ведущих военных держав, а в ряде случаев — больше, чем все они вместе взятые. Это относится к стратегическим ядерным силам и воздушно-космической обороне, но в еще большей мере — к силам общего назначения.

Согласно ГПВ-2020, к обозначенной дате на вооружение российских стратегических ядерных сил (СЯС) должны поступить 400 новых межконтинентальных баллистических ракет. В настоящее время одновременно в начальных стадиях жизненного цикла находятся четыре типа наземных межконтинентальных баллистических ракет (МБР): разворачиваются ракеты с разделяющейся головной частью (РГЧ) типа "Ярс" шахтного и грунтово-мобильного базирования (по российскому обозначению РС-24 или SS-29 по западной классификации); испытывается и разворачивается система "Рубеж" (причем, как на межконтинентальную, так и на среднюю дальность), разрабатывается новая тяжелая ракета шахтного базирования типа «Сармат» на смену тяжелым ракетам "Воевода" (РС-20 или SS-18) и новая МБР железнодорожного базирования типа «Баргузин».

На море идет обновление на новые модификации старых баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) типа "Синева/Лайнер" (РСМ-54 или SS-N-23), установленных на прежнем классе атомных подводных лодок (проекта 667 БДРМ "Дельфин" или Delta IV). Им на замену строятся подводные ракетоносцы класса "Борей" (955-го проекта, головной крейсер "Юрий Долгорукий" – Delta V), которые оснащаются новой системой баллистических ракет типа "Булава-30" (РСМ-56 или SS-N-32). Помимо трех уже построенных подводных лодок этого проекта, предстоит к 2020 г. ввести в строй еще пять. Кроме того, на период после 2020 г. намечено принятие нового типа тяжелых бомбардировщиков (ПАК-ДА), оснащенных крылатыми ракетами воздушного базирования (КРВБ).

Соединенные Штаты, сокращая свои СЯС согласно графику Договора СНВ от 2010 г., не разворачивают никаких новых стратегических ядерных систем оружия, и поэтому гонки ядерных вооружений между США и Россией нет. Вашингтон лишь переоснащает стратегические подводные лодки класса «Огайо» на новую модификацию БРПЛ «Трайидент-2 Д-5» и вводит модификацию ядерных авиабомб свободного падения типа Б-61. Конечно, тут дело не в американском миролюбии, а просто в несовпадении циклов модернизации СЯС двух держав. Соединенные Штаты начнут большой раунд обновления своей стратегической триады после 2020 г. С начала следующего десятилетия будет разворачиваться новый бомбардировщик, после 2030 г. – очередное поколение наземных МБР, а затем новая морская ракетная система на смену подводным лодкам и ракетам системы "Трайидент".

Правда, нельзя не отметить, что американцы не считают для себя возможным создавать более одного типа систем оружия для обновления каждой из трех составляющих своей стратегической триады.

Далее, в России для собственных нужд, помимо экспорта, параллельно продолжается производство новых фронтовых бомбардировщиков Су-34, истребителей Су-35С и Су-30СМ, палубных истребителей МиГ-29К. Продолжаются испытания и намечена закупка истребителя пятого поколения ПАК ФА – Т-59-4. Параллельно ведется глубокая модернизация боевых самолетов МиГ-31БМ, Су-25СМ и Су-24М, а также средних бомбардировщиков Ту-22М3. Идет производство вертолетов Ми-26, Ми-8МВТ5, Ми-8АМТШ, Ми-38, Ка-52, Ми-28НМ. Для транспортной авиации строятся самолеты Ил-76МД-90А, Ан-140-100 и Ту-154М.

Между тем, авиация – исключительно дорогостоящий (российский истребитель стоит порядка 30-50 млн. долл.) и технически сложный вид обычных вооружений — первостепенное средство обеспечения победы в локальных конфликтах современности. Ни Соединенные Штаты, ни любая другая страна НАТО или кооперация государств Евросоюза, имея во много раз большие бюджеты, чем Россия, не могут позволить себе

одновременное производство (или импорт) более чем одной системы боевых самолетов. Например, США в 2009 г. отменили производство параллельно двух новейших систем истребителей 5-го поколения F-22 и F-35, причем закупка первых была сокращена вдвое (с 380 до 187 единиц), чтобы перейти к производству более простого и дешевого самолета второго типа, лучше подходящего для войн малой интенсивности. В военно-транспортной и вертолетной авиации они тоже не допускают такого разнообразия. Европейские союзники Вашингтона или покупают самолеты в США, или закупают совместно разработанный «Еврофайтер» («Гайфун»), и только Франция индивидуально создает один новый тип истребителя-бомбардировщика («Рафаэль»).

Понятно, что за те же деньги и при данном техническом уровне один или два типа самолетов одного класса будут иметь преимущество по качеству и себестоимости, чем четыре или пять.

Не лучше ситуация в ВМФ. В течение десятилетия планируется ввод в строй трех типов подводных лодок: стратегических атомных ракетносцев (8 лодок проекта 955 «Борей»/«Юрий Долгорукий»), новых многоцелевых АПЛ (7 атомоходов проекта 885 «Ясень»), а также 13 дизель-электрических подводных лодок. В рамках программы строительства надводного флота предполагается спускать на воду в среднем по 7 кораблей в год.

Для сравнения, ведущая морская держава мира США в прошлом отменила дорогостоящий проект многоцелевой АПЛ «Сивулф» и строит атомные лодки только одного класса и типа («Вирджиния»). Планируется вводить в строй в среднем по 6 надводных кораблей ежегодно. Правда, среди них один атомный авианосец (от второго, скорее всего, откажутся). Но в этом российский ВМФ стремится не отстать и усиленно лоббирует строительство авианосцев, начиная с 2020 г.

Не меньшая многотипность характерна для программ закупок бронетехники, артиллерийских и зенитных систем Сухопутных войск.

По ГПВ-2020 количества и сроки внедрения новых вооружений и военной техники не соответствуют возможностям оборонной промышленности и не учитывают быстрый рост цен на ее продукцию. Масштабные хищения государственных средств в рамках распродажи военного имущества, недвижимости и земельных угодий через посреднические акционерные общества «Оборонсервиса», махинации ОАО «Военторг» в ходе строительства жилья для военнослужащих по завышенным более чем вдвое ценам (по сравнению с рыночной стоимостью), что стало поводом для отставки министра обороны Сердюкова и ареста ряда его ближайших подчиненных, — все это далеко не полная картина коррупции. Обширное поле коррупции — в оборонном заказе, где «откаты» даже по официальным данным военной прокуратуры составляют 20%, а по неофициальным оценкам еще больше.

Нескончаемый спор Минобороны с промышленностью из-за цен на военную продукцию коренится не только в несовершенной системе ценообразования, несвоевременной предоплате, которая заставляет корпорации обращаться в банки (подчас связанные с чиновниками) за коммерческими кредитами, или в отсутствии должного контроля над стоимостью и качеством продукции приватизированных фирм-субподрядчиков. Огромные «откаты» в конечном счете закладываются в стоимость военной техники. Понятно поэтому, что директора «оборонки» не могут удовлетворить требования Минобороны о раскрытии своей схемы.

Покончить с практикой преднамеренного завышения цен на продукцию и «откатов» в контексте госзакупок в рамках существующей системы невозможно, поскольку в этом суть ее функционирования, особенно в военной сфере с ее всеобъемлющей секретностью и кулуарным способом принятия решений. А для изменения системы, кроме кадровых и административных перестановок внутри Минобороны, пока мало что сделано.

Высокая (во многих случаях абсолютная) степень монополизации в оборонных отраслях, отсутствие конкуренции, архаичная и необоснованная система ценообразования наряду с общим старением производственных фондов и персонала ограничивает возможности увеличения объемов производства и уровень качества продукции соразмерно повышению ассигнований. Рост финансирования зачастую влечет только рост себестоимости продукции при недостаточно высоком ее качестве.

Наконец, военная программа связана с несостоятельной, но вновь популярной идеей, что военные заказы и возрождение обороной промышленности станут локомотивом общего экономического подъема. Если это так, то почему развалилась экономика СССР, построенная именно вокруг военно-промышленного комплекса, но оказавшаяся не способной удовлетворить растущие потребности мирных граждан, а в конечном счете не сумевшая создать и новейшие виды оружия? Причем произошло это в условиях все еще во многом закрытой экономики, когда у потребителя не было альтернативы в виде многообразия импортных товаров и услуг. Впредь такая система невозможна, а импортные пошлины придется снижать ввиду вступления России в ВТО.

В ведущих военных державах технические инновации из динамичной гражданской экономики и науки, особенно средних и малых инновационных компаний, в гораздо большей мере питают военную промышленность и науку, чем наоборот. Гособоронзаказ, безусловно, имеет большое значение для поддержки конкретных предприятий, особенно в моногородах, но его мультипликационный экономический эффект для остальной экономики является временным и локальным. Высокие технологии и инвестиции не пойдут из «оборонки» в гражданскую экономику. Новейшие военные технологии засекречены, и разные КБ не делятся ими друг с другом, не говоря уже о гражданской промышленности. А последняя не восприимчива к военным инновациям - даже если бы они по критерию «стоимость-эффективность» превосходили зарубежные аналоги - по той же причине, по которой сейчас российские частные капиталы и изобретения не идут в экономику страны, а уплывают за рубеж.

Причина — в дефиците гарантий неприкосновенности материальной, финансовой и интеллектуальной собственности из-за отсутствия независимого суда и арбитража, правоохранительных органов, которые могли бы обеспечить равенство всех юридических и физических лиц перед законом (который тоже несовершенен и постоянно меняется).

Не имея гарантий сохранности долгосрочных инвестиций, частный капитал не будет внедрять инновации из ОПК в гражданскую экономику, даже если их продадут военные фирмы и конструкторские бюро. А внедрение высоких технологий в гражданскую экономику со стороны государственных компаний вновь повлечет создание неэффективных заводов-гигантов, затоваривающих рынок никому не нужной продукцией низкого качества. Время сталинских индустриальных пятилеток на основе государственного плана (в том числе по поставкам рабских трудовых ресурсов ГУЛАГа) безвозвратно ушло. Его не возродить в эпоху сплошной компьютеризации и перманентной информационной революции, открытого общества и глобализации.

Без модернизации политической и социально-экономической системы нельзя сделать ГПВ0-2020 и «оборонку» двигателем российской экономики, а если систему изменить, этого не потребуются. В последнем случае инновационная гражданская экономика сама станет мощным источником роста эффективности военной промышленности. Спасибо.

Мовчан. Спасибо. Я, если можно, быстро выступлю в роли мальчика, который показывает слайды, которые сопровождают презентацию, потому что у меня есть цифры, а поскольку я математик и инвестор, мне кажется, без цифр все неполно. Очень быстро несколько рассуждений. Во-первых, совершенно явно по цифрам, что мир за последнее время активно разоружается. Затраты на оборону в мире в 1990 году составляли почти 3,5% ВВП. В 2009-м они составляли 2,6% ВВП, а сейчас они составляют уже 2,3% ВВП. Значит, постепенно есть тенденция к тому, что эта индустрия становится менее важной для мира. Я буду говорить как раз как экономист и как бизнесмен, забывая про то, зачем это делается, да, и говоря просто о цифрах.

Мы действительно потратили в прошлом году 52 миллиарда долларов, и если это правильно пересчитать по паритету покупательной способности, то это будет где-то — очень грубо — эквивалент примерно 98 миллиардов долларов американских расходов. При этом средняя европейская страна типа Германии, Франции, Великобритании тратит от 40 до 50 миллиардов, то есть, наверное (все-таки с учетом паритета покупательной способности), у нас покупается где-то в полтора раза больше, может быть, чуть больше, чем у средней европейской страны. Но понятно, что это сильно меньше, чем у Китая, у которого в пересчете покупательной способности мы получаем больше 400 миллионов долларов вообще военный бюджет.

Наш бюджет, кстати говоря... Мы очень много обсуждаем, особенно в рамках либеральной прессы, что у нас увеличиваются военные расходы. Это не так. У нас военный бюджет упал очень сильно, он упал на уровень фактически 2008 года, вот эти самые 52 миллиарда, и похоже, что у него просто нет ресурса и нет сил расти, он будет продолжать оставаться где-то на этом уровне. Между прочим, этот бюджет сегодня составляет 4,5% ВВП. Это большая цифра, потому что, опять же, если в мире в среднем это 2,3%, то у нас процент от ВВП фактически в два раза больше, чем в среднем в мире. Мы в этом смысле страна достаточно милитаристская.

И тем не менее все равно у нас 11,5% американского бюджета, 8% от НАТО. Если почитать нашу прессу, наш главный стратегический соперник — это НАТО, но вот, соответственно, 8% от НАТО мы тратим, что при этом, однако, не означает, что мы создаем 8% от их вооружения. Вооружение в бюджете стран НАТО составляет примерно 22%. Все виды вооружений, equipment от солдатских сапог до самолетов. У нас все данные засекречены, но если пытаться какими-то, через обходные пути туда заходить, мы пробовали, у нас получается, что у нас около 70% от бюджета тратится на вооружение.

Муж. Теперь(?) будут опять поставлять(?).

Мовчан. Ну это понятно, да, то есть все-таки у нас процент в три раза выше, то есть, наверное, нужно 8 умножить как минимум на 3, то есть где-то мы четверть от НАТО тратим на вооружение. Еще если применять там правильный коэффициент PPP, то там будет вся половина от НАТО. Всего. С точки зрения конечного количества стволов и их совокупной длины. При этом на персонал в НАТО идет 40% всех расходов, но туда включаются военные пенсии и так далее. И у нас, конечно, эта цифра намного меньше. У нас она там

примерно 15–18, то есть наша армия еще и очень эффективная с точки зрения стоимости персонала, она совсем дешевая, у нас люди готовы воевать почти бесплатно.

С точки зрения бизнеса все-таки что такое все-таки defense? Внутри страны это не бизнес, внутри страны это просто уничтожение природных ресурсов. А если это экспорт, то это бизнес. Мы вторые в мире по продажам вооружения. Америка продает больше всех, примерно треть, исторически за последнюю декаду — примерно 33–34% от всех вооружений, торгуемых в мире, продает Америка. Мы продаем примерно четверть вооружения. Бронзовый призер, Китай, продает 6% всех вооружений в мире, при этом Китай значительно быстрее нас растет. Мы выросли за 10 лет на 20% экспорта, а Китай вырос примерно на 80% за это время. Экспорт китайского вооружения вообще очень быстро растет.

У нас есть одна проблема с экспортом вооружения, которой вообще никто не касается, а, на мой взгляд, она очень серьезна. Дело в том, что у нас реальных покупателей всего три. У нас Индия покупает 40% всех вооружений, которые мы продаем, и по 11% покупают Китай и Вьетнам. Всего больше 60%, три покупателя, причем Вьетнам покупает 93% своих вооружений у России, Китай — скромные 59 и Индия покупает у России 70%. Это значит, что, в принципе, если придет какой-то игрок, который отберет страну как account, просто как клиента, то у нас моментально происходит резкое падение экспорта — и никакая Северная Африка и Ближний Восток нас не спасут, потому что там все раздроблено по 1–2% на страну, то есть мы плохо диверсифицируемся в наших продажах.

Наш экспорт — 14 миллиардов долларов за прошлый год, и это большой успех, это очень хорошо, это хорошая статья, но это примерно столько же, сколько мы продаем угля за границу. Дровесины мы продаем, скажем, 8 миллиардов долларов, а вот еда, например, вместе с зерном мы продаем почти на 20 миллиардов долларов. Мы продаем за рубежом вооружений столько же, сколько других продуктов машиностроения. Что у нас за продукты машиностроения, в общем понятно, да? И это совсем не наш бизнес — продавать за рубежом машины и станки, но тем не менее объемы примерно такие же, то есть 13,8 — это машины, 14 с копейками — это вооружение.

То есть, к сожалению, это не очень большой бизнес, там 2% ВВП — это производство вооружения у нас, 1% ВВП, чуть больше — это продажи за рубежом. Для сравнения: сельское хозяйство — 3% ВВП. В нашей военной индустрии, включая вооруженные силы целиком, если всех посчитать, занято примерно 6 миллионов человек. Еще раз: 6 миллионов человек — 2% ВВП. Шесть миллионов человек в России занято в торговле, торговля производит 29% ВВП (российского). В производстве нефти, которая примерно 17–17,5% ВВП (все гидрокарбонаты(?)), занят миллион человек. Это к вопросу о том, насколько военный бизнес для нас эффективен с точки зрения производства ВВП.

Что еще интересного можно сказать? В том же самом ВПК, где работает (напрямую в ВПК) два с небольшим миллиона человек, 15% работников старше 60 лет и только 27% моложе 35 лет, то есть происходит понятный процесс, мы фактически не можем восполнять кадрами эту индустрию. Если вы сейчас посмотрите на цифру той же торговли, например, то вы увидите, что там ситуация будет обратная, там почти все до 35 лет будут.

Еще буквально два слова по поводу того, что такое, например, сильная армия. Мы — большая экономика, когда-то мы были пятой экономикой мира, сейчас мы чуть меньше. У нас большой военный бюджет, мы все время обсуждаем вопрос, должен ли он быть таким большим. И действительно, с точки зрения оборудования мы очень хорошо

позиционированы. У нас, например, больше всех танков, причем почти в два раза больше, чем у Китая, и почти в три раза больше, чем у США. Мы занимаем первое место по самоходным орудиям, второе место по самолетам, но, правда, США сильно нас опережают, но все-таки у нас на 30% военных самолетов больше, чем у Китая.

Мы занимаем второе место по вертолетам, тоже сильно отстаем от Штатов, но там в полтора раза больше, чем у Китая. Четвертое и пятое место занимаем по большинству других позиций: по подводным лодкам, по артиллерии, по военным крейсерам. Вообще по морским судам мы занимаем, правда, пятое место в мире, то есть это такая армия, которая как бы требует большого напряжения (бюджетного и усилий). С другой стороны, если смотреть на статистику, вот Северная Корея, например, которая не очень сильно может напрягать свой бюджет, у нее бюджета просто практически нет никакого, она тем не менее по самоходным орудиям занимает второе место в мире.

Пухов. По Северной Корее ничего не известно, вы не позорьтесь, не говорите ерунду. О чем речь?

Мовчан. Вот у меня есть официальные данные.

Пухов. Какие официальные данные? Серьезных людей...

Дворкин. При чем тут официальные данные? Многие данные экспертные, и их никто не проверяет, так что не торопитесь их разносить.

Мовчан. Да, давайте так. Мы же, во-первых, с удовольствием вас потом послушаем. Я позволю себе удовольствие сказать, что вы позоритесь, если можно. А эти данные относятся к ЦРУ.

Пухов. А в ЦРУ — что? Люди в туалет не ходят, что ли, не моются, не писают?

Мовчан. Не знаю, я там не был, может быть, и не ходят, но какими-то данными мы должны пользоваться. И поскольку вас не было, когда я это все составлял, мне пришлось использовать ЦРУ. Так что я, если можно, расскажу позорные данные из ЦРУ, и дальше мы их можем обсудить, для этого мы здесь все и собрались, мне кажется. Ну и так далее. Значит, позорная информация о том, что они на седьмом месте по танкам, позорная информация о том, что они входят в десятку по самолетам. Неизвестно, какие самолеты, да? Это тоже вопрос. На пятом месте по артиллерии и так далее.

То есть я это, собственно, говорю не к тому, что Северная Корея много тратит на армию, я не знаю, и не к тому, что у них даже сильная армия, а к тому, что рассуждения на тему того, сколько у вас вооружения, оно вообще очень условное — и оно к экономике имеет мало отношения, и можно, наверное, производить вооружение в разных экономиках и по-разному. Но если Северная Корея выдерживает, то уж точно Россия выдержит большой военный бюджет, ничего в этом страшного нет.

Кстати, то, что говорил Алексей только что про ВВП страны, который был бы нужен для исполнения всей российской программы, которую он рассказывал. В пересчете на доллары это 2,3 триллиона, мы почти были там с дорогой нефтью. Понятно, что мы очень далеко оттуда без дорогой нефти, но это не такие совсем уж заоблачные цифры. Теоретически при росте на 7–8% в год, как сейчас растет Индия, например, мы могли бы за 10 лет дойти до такого размера ВВП. Другое дело, что у нас такого роста нет и быть не может, но это уже

тема дискуссии другого круглого стола. И, наверное, это все, что у меня есть по цифрам. Давайте я тогда уже буду отдавать микрофон тому, кто хочет говорить дальше.

Миркин. А можно?

Мовчан. Можно все. Здесь вообще можно все, за этим столом.

Миркин. Андрей любит говорить, что он адвокат дьявола. Я тоже. По поводу снижения доли расходов в мировом, глобальном ВВП. Здесь, наверное, нужно быть осторожным, потому что все это время росла доля услуг, учитываемых в валовом внутреннем продукте, глобальном. И, соответственно, все материальное сжималось. По поводу 4,5% российского ВВП. На самом деле, по данным Всемирного банка, где-то на 2010 год объем «темной» и «серой» экономики в России — больше 40%.

Муж3. По данным кого?

Миркин. Мы учитываем, Росстат учитывает, но не в этом объеме. Он, по-моему, добавляет где-то 20–25%. Сейчас объем «теневого» экономики, я думаю, больше, то есть, наверное, это уже где-то в районе 50% ВВП и так далее. Третье. По паритету покупательной способности можно, конечно, сравнивать, но, наверное, лучше бы брать точнее, что происходит с ценами в военной технике. Сравнивая эти бюджеты... Я у Алексея хотел спросить, потому что вы сравнивали по... Извините, да? Вы сравнивали все-таки по объему. Чтобы сделать сопоставление, все-таки в каком соотношении находятся цены? Я понимаю, эта техника очень разнородна и так далее, но, наверное, эксперт может примерно оценить, чтобы сравнить бюджеты.

Арбатов. По сравнению со временами Советского Союза?

Миркин. Нет, США.

Арбатов. Представьте, по сравнению со временами Советского Союза — цены сейчас сопоставимы. На наше вооружение и на американское — сопоставимы, это значит, что они одинаковы.

Миркин. То есть внутренние цены?

Арбатов. Да-да, конечно.

Миркин. То есть мы можем напрямую, не прибегая к PPP, не прибегая к каким-то другим сопоставлениям, мы можем сравнивать напрямую?

Арбатов. Можно сравнивать, да, то есть у нас, в СССР, был 17 миллиардов весь военный бюджет, во что, конечно, никто не верил, когда мы закупили 60 тысяч танков и так далее, но сейчас это может отличаться даже в разы, но не на порядок. Но вы сами понимаете, что ценообразование — это даже в Америке не очень прозрачная и очень сложная вещь, а уж наше ценообразование — это вообще Алиса в Стране чудес с учетом того, как функционирует оборонный комплекс, что он закладывает в эти цены, как он договаривается с заказчиком, как потом эти цены, бывает, в 10 и в больше раз вырастают в ходе выполнения, потому что изначально не были правильно проанализированы. Но в принципе — сопоставимы.

Миркин. То есть, кроме затрат на содержание, все остальные сравнения прямые?

Арбатов. Скажем, есть их новейший, вот их современный, новый истребитель. Может стоить в два, в три раза больше, чем наш, но не в 10 и не в 20.

Миркин. Но для экономиста два-три раза — это очень существенная разница.

Арбатов. Ну так у нас и оплата другая в оборонной промышленности.

Миркин. Но не в этом. Это уже дальше. Это как бы...

Арбатов. И сырье стоит.

Миркин. Если в два, в три раза, то, соответственно, бюджет, который измеряется, предположим, 50 миллиардами долларов, он эквивалентен 120–150 миллиардам долларов.

Арбатов. Разных типов делаем, как я...

Миркин. Но это неважно, да, как бы то, что типы разные, это понятно, то есть мы говорим о бюджете де-факто по ценам, сравнимым ценам, где-то в 120–150 миллиардов долларов.

Пухов. У меня два момента.

Мовчан. Да, у меня единственная просьба ко всем говорить в микрофон, потому что мы же все записываем, мы же в России.

Пухов. Тоже надо отработать, как было сказано, еду, тем более что через 15 минут надо бежать, читать дочерям сказку. Поэтому три момента, если мне позволят. Первое. Мне очень понравилась ремарка Якова Моисеевича по поводу того, что невозможно понять целый ряд вещей. Я 20 лет этим занимаюсь, и очень часто у меня оценки меняются на полярные. Не потому, что я шизофреник, а потому, что каждый раз какие-то новые данные выходят. Хочу здесь публику в одном, не знаю, просветить, если так могу себе позволить. Когда говорят «Государственная программа вооружений не выполнена» или «Эта выполнена 60%, а та была на 45»...

Дело в том, что ГПВ — это некое пророчество о будущем. Например, в текущую ГПВ заложено 200 самолетов Ан-70, их уже никогда не будет с Украины, поэтому деньги высвободились. Там заложены деньги на четыре «Мистрали», их не будет, эти деньги, на них можно закупить танки, можно их потратить там еще куда-то, можно просто секвестировать. Поэтому просто надо понимать, как это функционирует. Это как бы люди пытаются сделать золото, условно говоря, 999-й пробы. До этого у них оно было 555-й, сейчас 777-й. Поэтому когда одни, заламывая руки, говорят, что «ой-ой-ой, ужасно», а другие «да нет, как замечательно», ни те ни другие не правы. Поэтому как бы надо понимать: реальность, она иногда как бы искажается.

Второй момент по поводу американских цифр. Не буду называть имена, чтобы не позорить этих известных людей. Один очень известный специалист по Северной Корее, американец, от меня узнал, что в Северной Корее есть метро. Он долго убеждал меня, что метро там нет, когда я ему сказал: «Я там был, я в нем ездил, его строили советские специалисты». Очень известный специалист. Еще один очень известный специалист по Центральной Азии от меня узнал и тоже долго спорил, когда я сказал, что из Туркменистана есть газопровод.

Муж4. В Иран.

Пухов. В Иран. Нет, не в Иран — в Китай, и что он на тот момент уже функционировал два с половиной года.

Мовчан. Даже три.

Пухов. Жутко известный эксперт. Поэтому когда мы говорим «а вот в ЦРУ»... То же самое SIPRI. Я очень люблю этих людей, но люди из SIPRI, они не считают экономику, их доллары — это тренд-индикатор, это влияние на глобальную безопасность. Поэтому когда они говорят, что Россия на втором месте, на котором она только три года, а до этого была на третьем... И Китай там просто никогда не был на третьем, он и на седьмом никогда не был. Поэтому когда мы берем цифры SIPRI, то есть они просто misleading.

Мовчан. У нас много есть мест, где есть цифры.

Пухов. Нет-нет, я просто говорю, что есть целый ряд вещей, мы берем и говорим: «Это так». Но это не «Волга впадает в Каспийское море» и не «лошадь кушает овес». Три таких вот маленьких замечания. Первое — по поводу, может ли быть ВПК локомотивом развития. Конечно, нет. В каком-то смысле слова ВПК — обременение, но когда мы смотрим, целый ряд стран... И не важно, это Норвегия, которая все могла бы покупать off-the-shelf, тем не менее она поддерживает определенную оборонную промышленность. И это целый ряд стран типа, я не знаю, Индонезии, Южной Кореи, мотивированных, хотят иметь собственную оборонно-промышленную базу, хотя они, наверное, могли бы покупать, то есть это тоже своего рода вопрос ценностного выбора.

Еще одно замечание, когда, казалось бы, совершенно очевидно: государственное — оно неэффективно, а частное — оно эффективно. Но почему-то компания Kongsberg Defence & Aerospace, будучи государственной в Норвегии, она эффективна, причем им удается делать не только уникальные, скажем, ракеты, которые покупают американцы (сложные, противокорабельные, они многофункциональные, ее можно и к JSF подвесить, к F-35, можно сделать береговой комплекс), но они еще и делают в этой же компании, правда другой дивизион, — средства по добыче газа и нефти с глубин. То есть почему-то там, в Норвегии, государственная компания вполне себе эффективна в отличие, я не знаю, от Ирана, Нигерии и России.

Еще одно замечание. Мы часто любим говорить про то, как у нас много закупают вооружения и мало обращают внимания на людей. Вот опять же, по моим скромным замечаниям, семь-восемь лет назад при Сердюкове и даже сейчас при Шойгу у нас произошла фактически ментальная революция в Министерстве обороны. Наконец-то было осознано, что воюют не железки, а воюют люди и что... Вот сейчас, когда я разговаривал с одним высокопоставленным человеком, он говорит: «Скорее всего, мы седьмую, восьмую, там „Борей“ и „Ясень“, мы их порежем, потому что нам надо, чтобы была сохранена военная ипотека. Нам надо, чтобы...» Но они сказали «наверное», они же не сказали, что будет. Да?

То есть они все-таки поняли. Именно поэтому все эти PR-мероприятия, все эти фестивали, потому что именно люди, а не железки. Именно поэтому, судя по тому, что пишут в «Коммерсанте», контракт на «Армату» даже не 127 штук, а гораздо меньше. И контракт на самолет пятого поколения — пока только 24 штуки, потому что они очень дороги, а воюют

люди. А на постсоветском пространстве даже со старым оружием мы гегемон, а на Швецию мы все-таки нападать не собираемся. Но это так, по крайней мере пока.

И тоже еще одна маленькая зарисовка по поводу гражданской продукции ВПК. Один военно-промышленный генерал, промышленно-гражданский, сказал, что когда была эта мода... И вот сейчас президент, Рогозин часто говорит: «А как же гражданская продукция?» Было приведено такое сравнение, что когда ты смотришь на систему ПВО, можно, конечно, пытаться, чтобы на предприятии, которое делает систему ПВО, делали что-то еще. И, в принципе, наверное, концерн ПВО «Алмаз-Антей» — единственная компания, у которой есть солидная, как у Lockheed Martin, гражданская часть, высокотехнологичная. Они делают системы управления воздушным движением, то есть все то же самое, но только без огневых средств.

Но если ты берешь «Тор», систему ближнего действия, ты можешь покрасить ее в белый цвет, написать на ней «UN», но это будет примерно так же, как если ты возьмешь акулу, выбьешь ей зубы, посадишь ее в аквариум и не будешь кормить ее мясом, а будешь ее кормить водорослями, она все равно останется хищником. Поэтому ВПК все-таки в значительной степени... Крайне сложно реально развивать высокотехнологичное гражданское. Извините, может быть, за неструктурированность.

Арбатова. Можно мне? Спасибо. Поскольку была упомянута Норвегия, хотя она не входит в Европейский союз, она, в общем, частично интегрирована в европейское пространство, я хочу сказать, что в странах Европейского союза сейчас пересматривается взгляд на национальные армии. И, может быть, вы слышали о «Гентской инициативе» министров иностранных дел ЕС от 2010 года, когда было решено приступить к осуществлению новой стратегии *pooling and sharing* — объединение и совместное использование в условиях экономического кризиса.

Эта стратегия предполагала совместные закупки военной техники, совместную разработку научных программ, совместное использование вооруженных сил через интеграцию и ролевую специализацию. Пример такой, что, например, Германия будет осуществлять военно-морское патрулирование над Северным морем, освобождая Нидерланды. И сейчас эта инициатива получила новое развитие после того, как Европейский союз принял новую Стратегию безопасности, то есть Европейский союз держит курс на создание европейской армии, которая не будет просто совокупностью национальных армий.

Мовчан. Как это с НАТО будет?

Арбатова. А вот это очень интересный вопрос, потому что параллельно в НАТО развивается аналогичная стратегия (*Smart Defence*, «Умная оборона»), фактически они дублируют друг друга. И вот что произошло нового? В июне на последнем саммите, после *Brexit* Европейского совета, когда была обнародована вот эта стратегия... И армия будет создана. Европейская армия будет создана, я в этом уверена. Впервые США одобрили эту идею. Это очень важный поворот, то есть в НАТО происходит разделение ролей — и европейским союзникам, которые, за вычетом некоторых государств, в общем-то, страны Европейского союза, предоставляется больше автономии. Так что вот это тоже новые веяния.

Очень интересно, конечно, осуществление такой концепции. Почему я говорю, что это неприемлемо для нас? ЕАЭС — это регионально-экономическая организация, причем мы знаем, что и тут не все гладко, не все страны хотят жертвовать своим суверенитетом (что

касается единой валюты), но вот, предположим, ОДКБ, возьмем ОДКБ. Можно было бы развивать вот этот *pooling and sharing* в рамках ОДКБ? Я сомневаюсь, потому что здесь важны общие приоритеты в сфере безопасности, готовность стран-членов жертвовать своим политическим суверенитетом.

И еще очень интересно в связи с вот этим *pooling and sharing*: многие участники... Центральный орган — это Европейское оборонное агентство, которое было создано в 2004 году, но которое, в общем, практически 10 лет особенно ничем не прославилось. Вот сейчас оно наделено новыми функциями, и очень интересное нововведение: страны-члены говорят о том, что необходим прайс-лист всех боевых задач, чтобы государства знали, сколько стоит та или иная задача. Вот, собственно, маленькая ремарка.

Дворкин. Чтобы не передавать микрофон далеко, можно, Андрей? Спасибо. Когда Алексей Георгиевич сказал, что Макнамара окружил себя блестящими экспертами, я вспомнил, как не очень давно я был с одним из руководителей в администрации Обамы. Совещание было небольшое, там сидело человек 10–12, и он сказал: «А вот это у нас два нобелевских лауреата». Я спросил: «Неужели два?» Он говорит: «А всего у нас пять». Понимаете? Это эксперты, которые советуют, как принимать решения, но я не об этом.

Я на протяжении некоторого времени занимался противодействием мифотворчеству о влиянии военно-промышленного комплекса на нашу промышленность и на нашу экономику. Там не все однозначно, потому что есть негативный опыт очень мощного влияния на экономику военно-промышленного комплекса. Есть опыт, который позволяет оценить объективные показатели. Так вот негативный опыт всем хорошо известен: у нас было больше всего тракторных заводов в Советском Союзе, мы выпускали тракторов больше, чем во всем мире, в несколько раз, нужны они были только для массового выпуска танков в мобилизационный период. Считалось, что танки быстро выходят из строя, их надо много. И так по многим другим ветвям.

Объективные знания (вот это использование опыта) связаны с тем, что была подтверждена полная невозможность военно-промышленного комплекса влиять на нашу промышленность с точки зрения повышения ее конкурентоспособности. Это особенно важно сейчас. Мне пришлось много лет быть научным руководителем одной мощной темы с сотнями организаций, где оценивался уровень технического совершенства по очень нехорошим критериям. Мы сравнивали наш и американский уровень. Это было в годы расцвета нашей ракетно-космической индустрии, и вот эти результаты регулярно докладывались в Комиссию по военно-промышленным вопросам.

Так вот я могу сказать совсем кратко, что самый лучший наш результат заключался в том, что мы по уровню технического совершенства (вот в те годы, когда все было брошено туда, в ракетно-космическую отрасль) отставали на 10–20%. По всем остальным показателям — в разы. Понимаете, это именно так, есть соответствующие цифры. Поэтому ни о какой роли с точки зрения повышения конкурентности нашей гражданской продукции речи не может быть, если даже оборонно-промышленный комплекс в годы расцвета не мог обеспечить никакого превосходства. Это очень важный фактор.

С точки зрения выпуска гражданской продукции Путин сказал: «Нужно выпускать оборонным предприятиям высокотехнологическую продукцию». Но вот я был на одном крупном военном предприятии, и главный инженер говорит: «Да, мы стали выпускать печи СВЧ, телевизоры, но наши печи все равно похожи на пусковую установку „Тополя“». И

конечно, они не могут конкурировать — ни телевизоры, ни печи — с иностранной продукцией.

Меня особенно заинтересовало направление программы по импортозамещению. Это во многом провальная стратегия. В сельском хозяйстве она может быть каким-то образом востребована, но как можно говорить об импортозамещении в промышленности? Каждый из вас наверняка через широкие окна наблюдал наши аэропорты. Речь не идет даже о Boeing, Airbus, речь идет обо всем остальном: погрузчики, тягачи, автобусы, машины. Ничего своего нет. Сможем мы все это дело как-то сделать по программам импортозамещения?

Посмотрите на нашу строительную технику. Сейчас американцы и Запад, считают это стратегическим товаром и обрезали поставки сюда. У нас в основном от Hyundai все эти самые экскаваторы, самосвалы и все прочее, которые у нас эксплуатируются. Сможем мы это все заменить? Нет, конечно. Я не говорю уже об автомобильном парке, обо всем другом. То есть программа импортозамещения заведет нас в еще большее отставание — и по развитию, и тем более по конкурентоспособности. Вот что я кратко хотел сказать.

Родин. Сейчас как раз стали говорить о гражданском и военном секторе. Это, действительно, могут быть сообщающиеся сосуды, но, конечно, не в смысле выпуска СВЧ-печей, как было сказано. Пример мне близкий: есть Ка-60, вертолет военный, есть Ка-62, вертолет гражданский. Безусловно, при унификации на 80% государственный заказ на военную технику может быть серьезным подспорьем в развитии гражданской тематики. Это абсолютно нормальная, естественная ситуация, которая и в Европе, и в Америке постоянно является причиной многих судебных исков - является ли крупный гособоронзаказ скрытой поддержкой гражданской продукции. И посмотрите, это десятки исков одновременно рассматриваются в различных судах, то есть это тема не наша, это во всем мире так делают, но просто без громких заявлений, что они поддерживают своих на международном рынке.

И вот почему у нас в военном секторе получается быть лидерами, как минимум, в объеме выпускаемой продукции, а в гражданском не получается? Я думаю, что есть пара критериев, к которым мы подойдем, если рассмотрим ситуацию в гражданском и в военном секторе. Как раз когда я ехал сюда, поднял старую статью из «Российской газеты», там с гордостью говорилось о том, что по количеству боевых самолетов Россия наконец обогнала США и в 2015 году произвели 131 самолет, а в США только 100.

Мовчан Производство в год.

Родин. Да, это производство в год. Но я думаю, что надо смотреть big picture, потому что гражданский и военный сектор очень часто, как мы говорили, являются сообщающимися сосудами. Вот я выписал цифры тоже по 2015 году. В России произведено 26 гражданских самолетов. Boeing в это время произвел 762 самолета, Airbus — 635, бразильский Embraer — 101 самолет. Это все только в секторе для регулярных рейсов, еще произведено 300 бизнес-джетов. То есть получается, что в прошлом году в мире произведено чуть меньше 2 тысяч гражданских самолетов, из которых 26 российских. Надо принимать еще во внимание, что, кроме Superjet, ни один гражданский самолет не куплен коммерческим заказчиком – все это только заказы госструктур.

Таким образом, мы говорим не о том, что у нас не работает система сообщающихся сосудов, у нас сосуды-то сообщающиеся есть, так же, как и везде, потому что один и тот же

конструктор, один и тот же цех выполняет работы по гражданскому и по военному аналогу. Проблема у нас другая, что мы выпускаем неконкурентоспособную продукцию и в рамках вот этой деятельности мы можем поставлять по гособоронзаказу, потому что Министерство обороны это все устраивает, а на свободном рынке мы не можем выступать, потому что не устраивает соотношение цены и качества.

И вот здесь ситуация становится понятна. Если мы посмотрим, какие деньги остаются у компании, которая производит, скажем, в Европе и в США, то это объективно большие деньги. В России действует стандартная формула «20 плюс 1», 20% рентабельности на свои виды работ, на 1% можно увеличить в цене покупные комплектующие изделия. При таких условиях и небольшой загрузке производства покупать новое оборудование — затея абсолютно бессмысленная. То, что все руководители видят, приезжая на какой-нибудь завод, и то, что потом там показывают (кто смотрит телевизор, тот видит это тоже), это на самом деле то оборудование, которое современное, высокоэффективное, иностранное и которое годовую потребность в каких-то изделиях порой выполняет за неделю или за две.

Ясно, что если из 52 недель оборудование в полную мощь работает четыре недели, то ни о какой конкурентоспособной цене в терминах себестоимости мы говорить даже не можем. А поскольку сегодня поднималась тема моногородов (да, это тоже очень серьезная тема, и мы неоднократно с этим сталкивались), то получается еще очень интересная статистика по производительности. Условно говоря, есть хороший критерий, так называемая выработка, то есть объем выручки в расчете на одного сотрудника. Вот в российской авиакосмической отрасли объем выручки на одного сотрудника в 2015 году составил 36 тысяч долларов. В то же время в Китае — 89 тысяч долларов, а в Бразилии — 368 тысяч долларов. В Бразилии, в бразильском авиапроме производительность труда в 10 раз выше российской.

Миркин. Просто производительность в два раза изменилась.

Родин. Хорошо. Отличие в пять раз — это тоже очень серьезно, если мы говорим о прямой конкуренции в каких-то секторах рынка.

Мовчан. Я прошу прощения, это очень важно. Она не сейчас в два раза изменилась, она во время «голландской болезни» была в два раза выше. Сейчас-то курс рубля...

Родин. Да, можно корректно сказать, что от 5 до 10 раз наша производительность труда меньше бразильской. И вот это действительно достаточно серьезный вопрос: какие именно критерии определяют низкую конкурентоспособность нашей гражданской продукции на открытом рынке. Думаю, есть два ключевых критерия: малая клиентоориентированность и недостаточная работа над понижением себестоимости. Это два направления, в которых мы просто контрастируем фундаментальным образом с тем, что происходит в Европе и в США.

Если мы говорим о конкурентоспособности, то мы понимаем, что есть военная приемка для контрактов Министерства обороны, и эти же самые люди, находясь в этом же самом помещении, они являются так называемой независимой инспекцией для АР МАК (**примечание - Авиационный регистр Межгосударственного авиационного комитета*), принимая продукцию. Специалисты на самом деле высококласные, то есть здесь я без всякого осуждения конкретных людей — речь идет о системе. Эти высококласные специалисты заточены под контроль определенных вещей. Если не ошибаюсь, до сих пор даже сохранилось это терминологически, что продукцию можно принять, если отклонение от требований не сказывается на летной годности конечного изделия. Это значит, что никакие мелочи, удобные клиенту и, собственно, то, что составляет суть

клиентоориентированности, и то, что является привлекательным для конечного потребителя – это просто не принимается в расчет. В существующей в нашей стране системе координат таких вещей нет, они отсутствуют.

И второе — это отсутствие работы над себестоимостью. Прийти на любой завод в Европе или в США – первое, что видишь, если тебя пускают уже, собственно, в те помещения, где люди пьют кофе и общаются, — это на стенах карта рисков компании. Карта рисков компании — это не засекречено и где-то хранится в компьютере, а это то, что видно каждому, включая уборщицу. Какая ситуация внутри компании и какая ситуация у ближайших конкурентов — это, опять же, не достояние каких-то отдельных сотрудников, это то, что вывешивается на стену и обновляется в ежедневном режиме со всеми стикерами, рабочими пометками и замечаниями подразделений.

Поэтому люди, в каждодневном режиме бьются за то, чтобы себестоимость в каждодневном режиме снижалась и становилась ниже, чем у конкурентов. Даже понижение себестоимости какой-нибудь детали на доллар — это очень существенный результат.. Когда вы садитесь в вертолет, посмотрите, какие замки на вертолете Robinson – замок же реально стоит копейки. Почему? Это и есть следствие борьбы за себестоимость. А в результате Robinson побил все рекорды в истории авиации продаж вертолетов одной модели в течение одного года.

Вот это все надо рассматривать в комплексе, и пока у нас нет клиентоориентированности и нет контроля за себестоимостью, все и будет продолжаться точно так же, как мы это видим сегодня. Поэтому я думаю, что не нужно смотреть, государственный собственник или частный собственник. Это дело десятое. Главное — какие вводные собственник и владелец бизнеса дает своим сотрудникам, и если вводные такие, что клиентоориентированности в нашей системе координат нет, то никакого успеха на свободном рынке не будет.

Ганелин. Добрый вечер, да, у меня тоже есть комментарий по поводу предприятий. Смотрите, первое, что я хотел сказать, — по поводу громадных расходов на оборону. Да, конечно, это все грустно, конечно, мы все хотим, чтобы больше тратилось денег на образование и медицину, но имеем что имеем. Но, например, на что я обращаю внимание? Мне главное, чтобы не включили печатный станок, сказали: «Да, денег нет, а давайте мы напечатаем, чтобы нам построить больше танков и пушек». Пока этого нет, денег нет и есть понимание, что надо как-то укладываться в то, что есть. И вот эта дискуссия между правительством, финансовым блоком и военными, она меня как бы радует, и есть надежда, что как бы мы не вылезем в эти исключительно безумные цифры — 15% ВВП на оборону. Это что касается вот этого момента.

Второе по поводу того, как наши предприятия сейчас выглядят. В середине 2000-х годов наше государство сделало хорошую штуку. Оно сделало консолидацию заводов, возникли холдинги. У нас была сотня этих военных предприятий, их всех объединили в холдинги, их, наверное, штук 50, реально крупных — штук 10. Все они на слуху, да, это ОАК, это Объединенная судостроительная корпорация, это «Алмаз-Антей», это «Вертолеты России». Кто еще? «Калашников» и Уралвагонзавод.

Муж11. И «Оборонсервис». (не слышно)

Ганелин. И на самом деле, если смотреть на эти предприятия, они все находятся в разном состоянии: одни очень хорошие, другие не очень. И надо отдать должное, что все-таки военную продукцию мы делаем, по-моему, неплохо. Да, опять же, я не специалист, но все-

таки ее, насколько я понимаю, покупают за рубежом. Вот АвтоВАЗ, например, наш автопром мы отдали иностранцам, мы поняли, что делать наш автомобиль в глобальном масштабе бесполезно, и продали АвтоВАЗ Renault. А авиацию — мы сказали, что нет, мы ее не продадим ни Boeing, ни Airbus, а будем делать самолеты сами.

И действительно, опять же, наверное... Я не специалист, но судя по всему, наши «Сушки» и МиГи, они не хуже F-16, а наши С-500 тоже конкурентные. «Вертолеты России» — это вообще класснейшее предприятие, лучше его в мире нет по себестоимости и качеству продукции. Ми-8 или там Ми-117, у них действительно порядка 70% идет на экспорт, по моему, там и в Африку много грузят, и даже там была какая-то история с Афганистаном, когда американцы не смогли использовать свои вертолеты. И сейчас я смотрю на те предприятия, которые у нас есть, половина входит в «Ростехнологии», а есть половина, которая принадлежит напрямую государству.

И, например, что делают «Ростехнологии»? Они молодцы, у них все предприятия в хорошем финансовом состоянии, опять же, повторяю: «Вертолеты России», они зарабатывают деньги, они прибыльные. Или, например, Объединенная двигателестроительная корпорация тоже, к ним нет никаких претензий как к бизнес-подразделениям, они создают стоимость, и у них... Например, они там следят за расходами, они следят за стоимостью продукции.

Есть проблемные предприятия. Возьмем тот же ОАК, компания была создана в 2006 году. Насколько я помню, она, к сожалению, ни разу не показала чистой прибыли. Вообще. При этом у меня есть понимание, что у них портфель заказов (действительно, половина, может, чуть меньше) идет на экспорт и девальвация рубля им должна была помочь. Но не случилось, и в прошлом году у них там долг, то есть убыток, был 100 миллиардов при выручке в 400. Я немного жонглирую цифрами, потому что не все, там некоторые бумажные убытки, но тем не менее.

Это грустно, это действительно говорит об отсутствии эффективности. И действительно, был пример с самолетами, хороший пример. Я тоже смотрел на цифры, готовился к сегодняшнему дню, да, вот Boeing делает 700 самолетов, а ОАК делает 20 гражданских и еще 100 военных. Сто двадцать. Количество персонала: 180 тысяч на Boeing и 90 у нас. У нас, соответственно, один самолет делают 600 человек, у них один самолет делают 200 человек. Конечно, эффективность должна быть, у нас колоссальный потенциал для эффективности. Но вот, кстати, недавно там менеджмент сменили, пришел новый человек.

Но, опять же, ОАК говорит: «Мы будем делать новые гражданские самолеты. Да, делаем с убытками, тяжело, но надо это делать. Наверное, надо, потому что технологии есть, чего бы это ни стоило». SSJ сильно дешевле аналогов и вполне мог бы через какое-то время быть конкурентным, но, правда, это уже не военная тема. Есть «Калашников», тоже интересный холдинг, там больше частные акционеры, они занимаются дизайном, брендом. Зашел сегодня на сайт, там интернет-магазин, можно купить автомат. Интересно.

И более того скажу, сейчас пошли эти заказы от государства на эти миллиарды рублей — и выручка у этих предприятий удваивается каждый год. И на самом деле в топ-100 крупнейших предприятий в мире, наши предприятия уже занимают там. Самое крупное в мире — «Алмаз-Антей», я был удивлен, оно там на 11-м месте или на 2-м там ОАК, соответственно. Но я, опять же, говорю, что у всех у них разное финансовое положение, у кого-то очень хорошее, у кого-то пока плохое.

Что, наверное, грустно? Что действительно, наверное, на этих предприятиях используются, наверное, хорошие технологии, наверное, есть то, что мы называем инновациями, они какие-то там есть. Но они, конечно, никак не идут в обычную жизнь. И опять же, я посмотрел, например, «Сколково», они там делают всякие партнерские программы. Какие предприятия открывают в «Сколково» свои научные центры? А Airbus открывает, Boeing открывает, «Ависон(?)» открывает. ОАК не открывает. Странно. Но, может быть, это, опять же, из публичных источников. И конечно, надо, чтобы были какие-то специалисты, которые искали бы эти технологии, как-то думали, как их пустить в обычную жизнь. Но, опять же, мы понимаем, что люди в военном комплексе, они, наверное, очень специфические, да, они сами очень закрыты, и тут это тоже надо иметь в виду. Вот что я хотел сказать.

Миркин. Можно пару слов, а потом передам? А, да.

Арбатов. Да-да, я извиняюсь. К тому, что вы говорили сейчас и до вас тоже говорили. Я хотел бы сказать, наша военная продукция в целом ряде направлений действительно лучшая в мире. Например, стратегические межконтинентальные ракеты грунтово-мобильного базирования. Нигде в мире таких нет, и если бы вдруг завтра американцы решили последовать нашему и взамен нынешних «Минитменов» в новой программе, которая у них начнется с 2020 года, сделать такие же ракеты, им бы потребовалось лет 10, чтобы создать это все и что-то похожее развернуть. Не в этом суть того, о чем я хотел сказать. Система принятия решений построена так, что наряду с самыми лучшими образцами мы производим много чего другого, что совершенно не нужно.

Если бы не было монополизации, если бы была конкуренция, если бы был объективный, образно говоря, арбитраж, но это не тот арбитраж в общепринятом смысле слова, а арбитраж в лице аппарата министра обороны, который определял бы, что вот это лучшее, на этом сосредоточимся, а остальное не будем делать, тогда те прекрасные образцы (и зенитно-ракетных комплексов, и межконтинентальных, и кое-какие самолеты у нас очень хорошие, особенно истребители и истребитель-бомбардировщик, Су-34, лучший в мире в принципе), мы бы могли эти системы делать еще лучше и тратить гораздо меньше на это денег. И эти деньги, наверное, нашли бы своего пользователя и в денежном довольствии военных, и в жилищном строительстве, в военной медицине. И в гражданском секторе, кстати, тоже, где у нас далеко не все замечательно обстоит. Вот это суть того, о чем я говорил, когда я обсуждал эту систему со своей точки зрения, не с экономической. Спасибо.

Миркин. Вы знаете, в 80-е годы мне пришлось в юности два года провести на «стройке века», в Комсомольске-на-Амуре строился новый завод подводных лодок «Парус». С одной стороны. С другой стороны, я в это же время в Северодвинске впервые в начале 80-х годов увидел продовольственные карточки. Я очень боюсь тренда, то есть сегодня мы понимаем перевооружение, мы понимаем роль ВПК в удержании экономики, но прогноз — это то, что произойдет в рамках общего тренда замыкания экономики. Произойдет занос, перебор в объеме ВПК. Это как бы первая идея.

Вторая идея. Сегодня, если говорить о кратковременном эффекте, то, конечно, гораздо шире, чем делать печи СВЧ или титановые лопаты. Во-первых, я понимаю, что это догнать в элементной базе (ну, не догнать и не приблизиться, но хотя бы сделать несколько шагов), в уровне технологий, потому что мы понимаем, что продукция ВПК, за ней цепочки, кооперационные, по кооперации. Второе. Вы будете смеяться, но я вижу на практике роль ВПК в удержании среднего и малого бизнеса. У меня большая корреспонденция с

предпринимателями вот в этом сегменте. Мне летом 2014 года писали эти люди: «А у нас все...» В мае, в начале июня, когда у всех было очень плохо. 2015-го, прошу прощения. Они писали: «А у нас все в порядке, потому что мы загружены полностью, работаем в две смены, у нас заказы, запасы до...»

И мы только что видели, как в инвестиционной группе произошла переквалификация завода. Это средний бизнес, верфь, вместо производства яхт — производство десантных катеров. Это ужасно, на самом деле. Но одновременно сохраняется производство яхт и возможность производства яхт, кстати очень неплохих, и в любой момент они могут быть развернуты, то есть при том росте банкротств, прежде всего среднего и малого бизнеса, который мы видим в этот кризис, как бы удержание. Естественно, это не похвальба, это не ода в честь ВПК, это просто такое объективное.

Дальше, третье. Мы потеряли экономику средств производства в России, это понятно. Год назад, по данным Росстата, металлорежущие станки. Мы производим 150–200 металлорежущих станков в месяц. Когда Минпром публикует свои приказы со списками попозиционно в зависимости от импорта, 80, 85, 90%, в инструменте 90% и так далее. Нынче успех, громадный успех: резкий рост в станкостроении, мы в месяц производим 300–350 металлорежущих станков. Ну хотя бы что-то, да?

Муж12. С ЧПУ. (не слышно)

Миркин. С ЧПУ, да. Там новый завод построен с ЧПУ. Не рассуждаю, какая там часть — иностранные компоненты, какая-то часть, но хотя бы проблеск в том, что называется «восстановление производства средств производства». И четвертая вещь, она совершенно неочевидна, она тоже смешная, но, вы знаете, вот эти точки роста, которые появились в АПК, соответственно, аграрный сектор, там Дальний Восток, — это точки, где (правда, за счет бюджета) произошла такая принудительная нормализация, например, кредитов, процентов. Да, там безумная вещь, там процентные субсидии.

На самом деле в расходах на ВПК нужно учитывать еще массу других вещей: дофинансирование на покрытие убытков, докапитализация компании, покрытие убытков банков, которые финансировали ВПК, процентные субсидии в этот, то есть область расходов. Но мы в каком-то искривленном зеркале, в искривленном мире получаем хотя бы такой вот кусочек нормального... Нормализованного — не нормального. Нормализованного финансового сектора, где хотя бы кредиты принудительно выдаются по ставке там 5–6%, как это могло бы быть при нормализации финансового сектора. Это о благотворном воздействии ВПК.

И самое последнее, я не знаю, если мы готовы это обсуждать. Меня всегда экспорт вооружений очень будировал, потому что те экспортные заводы, которые я видел до девальвации рубля, где занимались экспортом, скажем так, машиностроительной продукции, они были в большом убытке. И понятно почему: потому, что рубль был переоценен, и начиная с 2000 года они уходили, аккуратно, с каждым годом во все больший убыток. Поэтому тот замечательный финансовый результат, о котором мы сегодня говорим, это прежде всего, конечно, девальвация рубля.

Вот убыточность или прибыльность экспорта вооружений? Мы никогда это не обсуждаем, тайна за семью печатями. Еще то, что мы никогда не обсуждаем, говоря о том, что мы занимаем второе место в экспорте вооружений, мы знаем, что часть экспорта вооружений происходит за счет кредитов, которые потом замечательным образом списываются, то есть

фактически это подарок. Никто никогда не обсуждает, какая доля экспорта вооружений убыточна и производится, делается за счет кредитов, которые списываются, которые тоже на самом деле являются убытком. Это тоже часть военных расходов.

Ганелин. Ну почему списываются? Они у них на балансе там стоят, никто их не списывает.

Миркин. Нет, соглашение о списании. За чей счет?

Ганелин. А, ну, это за счет гос... Но это советские долги. Они как бы безвозвратные, это советские долги, которые уже...

Гольц. Ну хорошо, появились новые долги в Венесуэле, Венесуэлы, те же самые кредиты — и точно так же они будут списаны.

Миркин. Но сегодня за счет кредитов они будут списаны через пять-семь лет.

Гольц. Позволю себе заметить, что ни один из выступающих даже не приблизился к попытке ответить на вопросы, которые нам были сформулированы, и это неслучайно.

Мовчан. Это стандартно.

Гольц. Нет-нет, я думаю, что в данном специфическом случае есть и специфическое объяснение, которое заключается в том, что мы ничего не знаем о российском военно-промышленном комплексе. Мы не знаем результаты производственной деятельности, мы не знаем о производительности труда, мы не знаем стоимости продукции. Мы занимаемся тем, что сравниваем зеленое с круглым в тот радостный момент, когда какой-то из начальников бросит нам какую-нибудь циферку,.

Вот к вопросу об эффективности экспорта. Три года назад Владимир Владимирович Путин в большом раздражении собрал руководителей авиационной промышленности и рывкнул на них, сказав: «Как это можно, что контракты (авиационные контракты, они составляют процентов 60–70 от всего экспорта) не приносят прибыль?» И я понял, что эти контракты, они существуют только для того, чтобы поддержать производственный процесс предприятий.

Сегодня мы имеем дело — опять же повторюсь — с двумя десятками цифр, которые варьируются в зависимости от желания начальников. В качестве самого характерного примера приведу только один пример: в конце 2014 года было большое, радостное собрание, открытие Центра обороны,. И в течение часа три больших начальника, говоря о важнейшей для России программе создания ракетных войск стратегического назначения, привели три абсолютно разные цифры. Сначала Юрий Борисов, зам. министра, сказал, что в текущем году произведено 5 межконтинентальных ракет, пятнадцатью минутами позже Шойгу сказал, что произведено 16 ракет и еще через 15 минут господин Путин сказал, что поставлено три ракетных полка, что никак не может быть меньше 24 ракет.

То есть мы находимся в весьма странном положении, когда мы обсуждаем нечто, не имея исходных данных. Тем не менее несколько замечаний. Первое. Я занимаюсь этим долгие годы, и я не знаю (при всех этих фанфарах и заявлениях о замечательных достижениях нашего оборонно-промышленного комплекса), у нас началось серийное производство вооружений или нет. В Советском Союзе была идиотская система организации военного производства но она по крайней мере была логичная, когда каждое гражданское

предприятие имело оборонное задание. Я для справки скажу, что самолет Су-30 имеет 1500 комплектующих, ракета «Булава» имеет 600 комплектующих. Вся система в 90-е годы, которая производила эти комплектующие, благополучно исчезла, и При этом руководители ВПК, они рвали на себе рубашки в 90-е годы и рассказывали, как они всех завалят военной техникой, «только дайте нам деньги». Когда деньги дали, выяснилось, что к серийному производству приступить не могут – нет комплектующих

И сегодня мы не знаем, каков объем производства. Нам дают его только в денежном выражении, . Мы не знаем, выросло ли производство вооружения. Выросли цены — это однозначно. И когда пошли деньги в 2000-х годах, выяснилось, что производители ВПК стоят перед альтернативой: или покупать комплектующие в ближайшей подворотне (что произошло с ракетами «Булава» и что обеспечило их блестящие испытания в последующем) — или, как это сделал «Алмаз-Антей», построить два завода по производству комплектующих, что превратило эти замечательные комплексы в золотые. Опять-таки мы не знаем ничего о рентабельности этого производства.

Последнее замечание. Меня о очень удивляет, что в этом высоком собрании кто-то всерьез говорит о том, что ВПК, ОПК может быть мотором производства, позволить создавать технологии, потом перекачивать их в гражданский сектор. Последний раз это было в Америке, я так понимаю, в конце 60-х годов. Весь мир живет совершенно иначе. Технологии создаются в гражданском секторе, потому что они там мгновенно окупаются, и потом они перекачиваются в военную сферу. Последний пример, когда военная технология (на Западе) перешла в гражданский сектор, — это GPS, это 70-е годы. Ну интернет, опять же это 70-е годы.

Миркин. А вот другие примеры: переход гражданской технологии в военный сектор, то есть напрямую?

Гольц. Огромное количество. Вся электроника, все системы наведения, вся элементная база.

Миркин. Элементная база, она изначально строится и с учетом военного применения.

Гольц. Нет, да нет. Сначала...

Миркин. Это рынок. Раз это рынок, значит...

Гольц. Да, тут же появляется прибыль.

Миркин. Нет, рынок вооружения — это рынок, где есть спрос. Значит, элементная база...

Гольц. Нет, спрос...

Миркин. Элементная база строится изначально и с расчетом и на этот рынок, то есть она...

Гольц. Да, конечно, но по объемам, как я понимаю, по объемам денег, которые закладываются в гражданский и военный сектор, они теперь совершенно несопоставимые.

Миркин. Мы сейчас говорим, что эта продукция (то, что называется гражданскими технологиями), она изначально является и гражданской, и военной.

Гольц. Да. И здесь...

Миркин. Все технологии двойного применения.

Гольц. Совершенно верно, только в России... Я напомним, что в «Буране» было 200 новейших технологий. Где они, те технологии? В России существуют системы, и об этом говорил Алексей, конечно, совершенно справедливо, что перекачка военных технологий в гражданский сектор практически невозможна. Я сомневаюсь, что норвежское руководство говорит, что «ВПК рассчитываем на ваши технологии, вот мы срежем угол, обгоним». В стиле товарища Сталина: «обгоним, или нас сметут», и вот это даст толчок для развития наших гражданских технологий.

Нигде я на Западе вот такого не слышал. И это попытка ответить на вопрос, какие неэкономические факторы действуют на российский ОПК. Главная проблема заключается в том, что руководство страны пребывает в некоей иллюзии или хочет убедить нас, что оно пребывает в некоей иллюзии относительно того, что оборонно-промышленный комплекс станет мотором развития страны. Очевидным образом (хотя бы из того, что я сказал, есть еще 20 других факторов) этого не произойдет. Как остается это производство неэффективным, так и остается.

Сердюкова выкинули не потому, что он был коррупционером (они все коррупционеры), а потому, что он пытался открыть цену производства военно-промышленной продукции — и выяснилось, что туда засовывают и стоимость содержания детских садов и домов отдыха. Это даже если не говорить о коррупции. Это означает, что ОПК ни при каких условиях, как мне представляется, не может быть мотором модернизации экономики.

Шаравин. Друзья, можно два слова по-соседски? Я в первой половине выступления Александра абсолютно поддерживаю, хотя должен возразить, что, так сказать, когда и что появилось новое в военном секторе экономики и перетекло в гражданский и наоборот, четко никогда нельзя. Я абсолютно уверен, что какие-то новые технологии постоянно возникают и в одном секторе, и в другом, и очень важно, чтобы этот переток был.

Наглядный пример. Можно было бы, конечно, привести Израиль, там очень много примеров в последнее время, когда новые технологии возникают и из одного сектора в другой очень быстро перетекают, но еще лучше... Мне скажут, что израильский военно-промышленный комплекс в значительной мере живет на американские дотации, но, допустим, Тайвань на какие дотации живет? Я хочу сказать, что там очень много раз был и изучал в том числе, как работают их предприятия, и должен сказать, что вся микроэлектроника, она действительно двойного назначения. И когда они готовят какие-то комплектующие для их вооружений, они, конечно, в первую очередь сначала это используют для военного, а потом даже продают в тот же Китай, который для них является потенциальным противником.

Я у них спрашивал: «А как же так, вы продаете, не боитесь?» Они говорят: «Нет, прежде чем продать что-то куда-то, мы сначала свою продукцию поднимаем на новый уровень, и то, что мы сделали для своих вооруженных сил, мы не продаем, мы продаем то, что уже как бы немножко устарело для нас». В принципе, конечно, не может никаким мотором быть ВПК в целом, и я думаю, что все об этом прекрасно знают, но переток технологий там, где это организовано нормально, существует, и он действительно благотворно влияет. Вся беда в том, что, к сожалению, у нас такой практики нет, и для этого очень много причин. И

Алексей Георгиевич вначале говорил. И, конечно, та же пресловутая секретность, закрытость, которая нам просто страшно в этой сфере мешает.

Но вот один очень важный момент, о котором не мог не сказать, но о нем как-то мало говорили, — это принятие решений в сфере оборонной промышленности. Действительно, оно настолько архаично, что даже трудно представить, что это возможно в XXI веке. Сама по себе Военно-промышленная комиссия — это такой анахронизм, что, мне кажется, неужели можно было сомневаться в том, что действительно это уже безвозвратно устарело, когда создавалась эта система? К сожалению, она работает, и работает настолько неэффективно, что сегодня это трудно даже представить.

Я пока внутри не стал немножко заниматься с этими людьми, не представлял, что, например, ВПК никоим образом не может влиять, например, на знаменитую корпорацию «Ростех» или какие-то другие, они живут по своим законам. И мы-то, нормальные граждане, платящие налоги, думаем, что там, в правительстве, есть структура, которая может каким-то образом контролировать эти огромнейшие структуры. Нет, ничего подобного. То есть на самом деле после этого у меня возник простой вопрос: зачем она вообще нужна тогда? Не лучше ли работать, допустим, по той системе, когда все вопросы оборонного заказа решает само Министерство обороны безо всяких дополнительных структур и посредников? Но это отдельная тема, мы, к сожалению, о ней практически не имеем возможности поговорить, но в целом, конечно, заданные вопросы были очень важны, жаль, что они у нас, конечно, остались без обсуждения. Спасибо.

Преображенский. Коллеги, я, как всегда, убегаю вести полуночный курс предпринимателям, очень коротко в продолжение мысли о том, что... Понятно, что вооружение Советского Союза не было использовано на какой-то существенный даже процент, и так как сложно представить себе прямую войну с НАТО, можно представить какие-то поставки вооружения куда-то и, может быть, какие-то локальные, внутрироссийские войны, да, но для этого много оружия не нужно. Для всего остального вроде как ядерное оружие, то есть драйверы, конечно же, политические.

Наверное, первый драйвер — это белые слоны, по Аджемоглу, или покупка поддержки через канал, который очень непрозрачен. И второй драйвер — это вовлечение в борьбу с врагом. И представить себе 15%-ную долю этой экономики ВПК при жестком Центральном банке, который не дает печатать, можно благодаря этим двум драйверам в сочетании с повышением налогов при более-менее сбалансированном бюджете и с таким нулевым, чуть-чуть отрицательным ростом. И, в принципе, после... Я так понимаю, у нас как раз деньги остались примерно до 2017 года, вот после этого как раз, видимо, будет повышение.

Муж16. Много денег.

Преображенский. Много денег, да? Хорошо. У нас, да. В общем, передаю дальше.

Гуревич. Я хотел поддержать пафос моего коллеги, что мы действительно только ходим вокруг той темы, которую Андрей заявил. И, естественно, неслучайно мы ходим, потому что причина ясна, мы слишком мало в этом... Не то что понимаем. Мы слишком мало знаем. Тем не менее есть несколько параметров, которые позволяют судить, где это эффективно или условно эффективно, а где это в принципе неэффективно или непознаваемо. Это такая вселенная, действительно огромная, поменьше, по-моему, чем в СССР, по сравнению с тем, что мы когда-то изучали.

На самом деле по классической терминологии военное производство относится к непроизводительным секторам экономики. Это прежде всего. Будем ли мы спорить? Думаю, что нет, потому что мультипликатор военного производства — единица. Заказали сталь, электронику, боеприпасы, потом этот танк был или сожжен, или он... Нет-нет, до «продан» мы сейчас дойдем. Или проржавел в ангаре, и больше никакой мультипликации в экономике нет.

Гольц. Но его производители получили зарплату.

Гуревич. Нет-нет, это естественно. Любой комбайн, по идее, имеет затем несколько переделов, можно просто посчитать. Значит, единственный производительный выход — это экспорт. Андрей начал говорить на эту тему, мы действительно в прошлом году достигли рекордной цифры — 14 миллиардов долларов экспорта. Тема чрезвычайно щекотливая, вы понимаете, что это такое — экспорт вооружения. Трудно сказать, сколько назад вернулось в результате, но при этом, заняв примерно 28% мирового рынка, мы должны признать, что сам рынок микроскопический. Мировой, глобальный рынок вооружений — это просто мелочь по сравнению с любым другим сектором.

Поэтому неслучайно мы о нем очень много говорим в силу его геополитической важности. Мы его все изучаем и много читаем только по одной причине: он очень громкий. А 60 миллиардов долларов там, даже меньше — 55, это что за глобальный рынок? Просто ерунда. Самое главное, что он практически не увеличивается, поэтому нет никакой надежды на то, что здесь мы можем достичь, не знаю, какими усилиями, каких-то других цифр, не говоря уже о том, что наши основные клиенты неплатежеспособны. Действительно, два-три есть, все остальное — это долги на десятилетия.

Ну вот Гольц сказал о Венесуэле, я не помню, сколько мы? Четыре миллиарда поставили, да? Четыре миллиарда, ушли эти деньги, которые, думаю, никогда не вернутся. Ни при Мадуро, у которого нет денег, ни при, условно, прозападном режиме, который придет ему на смену. Никто расплачиваться не будет, но это большая сумма — 4 миллиарда. Значит, этот рынок на самом деле никак не спасает при ответе на вопрос, является ли ВПК производительным сектором. Это хорошо, что мы хоть что-то продаем не нефтяное, но масштабы никакие.

Теперь по сути самого ВПК. При всей закрытости мы, например, вчера получили официально открытые... Их же не закрыли, «Ведомости», еще до сих пор, да? Такой расклад, один из многих. Я буду его воспроизводить, поскольку он открытый, закрытый, естественно, воспроизвести не могу. Значит, подошел срок, по которому нужно расплатиться по кредитам со Сбербанком, Газпромбанком, ВЭБом и ВТБ, которые взяли военно-промышленные предприятия, в 2011 году выполнявшие гособоронзаказ. Расплачиваться будет бюджет, потому что предприятия взяли эти кредиты почти на триллион рублей (на 800 миллиардов) под государственные бюджетные гарантии.

Когда предприятия ВПК в большей степени, чем любые другие предприятия, берут кредиты под государственные гарантии, то это означает гарантию, что они никогда возвращать их не будут. Значит, бюджет сейчас будет расплачиваться с четырьмя своими госбанками, но поскольку в бюджете тоже мало денег, то государство будет, Минфин будет просить эти банки реструктурировать этот долг, пролонгировать его и так далее. Но вы понимаете, сама система экономического механизма: производитель получает деньги, кредит, в данном случае относительно дешевый и длинный, не собирается за него расплачиваться, это заранее закладывается в расходы государства. И потом он то ли

продаст, то ли не продаст по цене, которая никому не известна, с качеством, которое будет знать только Шойгу (условно говоря). Поэтому в системе экономических координат рассматривать ВПК невозможно.

Мовчан. Но интересно.

Гуревич. Но интересно. Как вы понимаете, что эти кредиты — 800 миллиардов — это только один из многих примеров подобного взаимодействия внутри государства. По поводу военного производства. Поэтому с экономической точки зрения это, конечно, прямой вычет. Рассматривать деятельность ВПК с точки зрения экономики можно в пределах первого передела, скажем так. Несколько десятков городов существуют, не закрываются, живут благодаря тому, что работает военный завод, люди там...

Мовчан. Сто двадцать девять городов.

Гуревич. Да. И это все. Все остальное — это вычет, и никак по-другому его объяснять не надо. Его можно рассматривать как хорошее вооружение, плохое. Дает ли нам преимущества при отношениях с Украиной, Германией, Японией, Китаем, США или нет. Это другие категории. Думаю, что при всем при том в ближайшие годы, как ни спорят Минфин и Минобороны, эти расходы начнут урезаться по определению. Но эта... Не хочется говорить «черная дыра», а такая темная вселенная будет существовать очень долго. Заканчиваю уже. Здесь говорили о том, что есть государственные предприятия, которые... Да, Норвегия, Израиль, Франция, допустим, где государственные корпорации играют важную роль и в нефтянке кое-где там, и в ядерной энергетике, и в нефти. Но это другие госкомпании, извините. Я думаю, они существовали бы по-другому, если бы у них была Государственная дума, если бы...

Мовчан. Не повезло им.

Гуревич. Да-да, и прочее. Это другая система координат. Нет там конкуренции, нет и здесь конкуренции. Ну, может быть, в какой-то степени. Поэтому мы рассматриваем в значительной степени, на 80%, внеэкономические категории.

Гольц. У меня вопрос.

Гуревич. Да.

Гольц. У нас есть американский опыт. Да?

Гуревич. Да-да, памятник Макнамары в Санкт-Петербурге.

Гольц. Второй мировой войны, где производили точно такую же военную продукцию, люди получали немаленькую зарплату, они покупали товары, которые начали производиться, разные-разные товары. И в результате — расцвет американской промышленности в 50-е годы в результате производства военной продукции.

Гуревич. Так.

Муж19. Немножко не так. Не так немножко.

Муж20. Не в результате, но частично.

Гольц. Как следствие.

Гуревич. Нет, зарплаты всегда дают какой-то...

Гольц. Затем последовала корейская война. По-моему, это довольно общее место, что именно она вызвала промышленный бум в США.

Гуревич. Значит, или вы тратите 100 рублей, из них 30 идет на зарплату и 30 работают как мультипликатор, или вы даёте 100 рублей — и все 100 рублей работают как мультипликатор. Разница есть?

Гольц. Есть, но у нас эти сто рублей в качестве мультипликатора получить невозможно...

Гуревич. Почему не на что? Это единственный механизм, который проворачивается? В определенном смысле да, потому что никто не может оспорить эти требования.

Гольц. Но это единственное, что хочет финансировать государство.

Чиркова. Но основная причина расцвета после Второй мировой войны — не мультипликатор. Вся остальная экономика во всем мире была разбомблена, ничего не производили, и американцы стали поставлять. Это причина расцвета. Если бы был мультипликатор, то, извините, в войну бы был расцвет, а никакого расцвета в войну не наблюдалось, даже по динамике фондового рынка видно. Нижняя точка приходится на 1921 год, хотя война закончилась в 1918-м.

Гольц. В войну это была мобилизационная экономика, ей все было подчинено.

Гуревич. Гольц, по-моему, защищает военную технику.

Гольц. Ты думаешь, что я защищаю военное производство?

Буклемишев. А можно тоже еще два вопроса, пока военные эксперты не разбежались? Меня интересуют две вещи, которые косвенно прозвучали. Первое: у нас все-таки растет серийность или снижается?

Шаравин. Этого никто не знает.

Буклемишев. Нет, ну оценочно, я понимаю, что статистики у вас нет.

Шаравин. Нет-нет, она растет по сравнению с тем, что было 15 лет назад, потому что был ноль вообще.

Буклемишев. Серийность растет. И второй вопрос все-таки о зависимости. Импортозависимость, она насколько высока? Я понимаю, что есть золотые детали, которые изготавливают. Насколько высока импортозависимость в элементной базе и так далее?

Шаравин. Вот по поводу импортозависимости можно сказать, что когда был выдвинут лозунг импортозамещения, мне, допустим, было абсолютно понятно, что это политический лозунг, никакого отношения к реальности не имеющий, потому что в том же военно-промышленном комплексе даже, к примеру, на 70% или на 80% сделать все отечественным в принципе невозможно.

Гуревич. Нет, можно просто взять Воткинский завод, ракетостроительный, крупнейший, и если кто-нибудь попадал туда или знал что-нибудь о нем, то станки там в основном американские, швейцарские, никаких других нет.

Шаравин. Нет, про станки мы не говорим, мы говорим даже про комплектующие в той продукции, которая производится. Не секрет, потому что было даже несколько скандалов, когда, к примеру, военная продукция, где написано, все лейблы стоят наши, комиссия проверяет, а там, оказывается, внутри, допустим, китайское, американское и все что угодно. Поэтому ни о каком импортозамещении всерьез говорить нельзя.

Гуревич. Фальсификат. Военный фальсификат.

Ганелин. Можно я тоже прокомментирую быстренько? Вот там по поводу программы. Первые три-четыре года задача была модернизировать предприятия, и настоящий объем производства начался года с 2014-го, вот именно серийный рост производства, который мы должны увидеть, на самом деле, в 2015, 2016, 2017 годы, если денег хватит. Это первое. Второе по поводу... Но тут ввели санкции, и это проблема, потому что... И все эти предприятия военные на санкциях, поэтому там были планы закупить всякие токарные станки, фрезерные станки, вот с этим вдруг возникла проблема, и насколько это все будет выполнено, тоже сейчас непонятно. Вот все, что я хотел сказать-то, на самом деле.

Миркин. У меня есть официальное заявление Дмитрия Rogozina.

Мовчан. Серьезный источник.

Миркин. Другого нет. В августе он заявил, что замещение должно коснуться 186 продуктов с Украины.

Мовчан. Правильно.

Муж26. Сало.

Миркин. Это 800 продуктов из Европейского союза и НАТО. Я видел иностранные данные, там по компонентам давалось 80–90%. По средствам производства: берем Минпром, списки импортозамещения по инструментам, по станкам и так далее, там 80–85%, 90–95% и так далее.

Ганелин. Вы знаете, я последнее скажу. На самом деле очень видно зависимость предприятия. Когда был девал... опять же, смотрю отчетность, если у тебя большая доля комплектующих, когда была в 2014 году девальвация рубля, у тебя все косты, расходы в долларах, они просто скакнули, и там убытки, и ты видишь, как предприятие пережило. У ОАК там что-то случилось капитальное, там, по-моему, до черта у них этих комплектующих, опять же, «Вертолеты России» выжили нормально. И вот ты как смотришь от предприятия к предприятию.

Чиркова. А я здесь как раз обладаю (одно предложение) такой полусекретной информацией, потому что в свое время работала в организациях, которые консультировали «Сухого» и итальянскую Finmeccanica, которые должны были вместе делать Superjet. Русским удалось запроектировать крыло и бортовую кухню. Все.

Родин. Как раз по этой теме я хотел сказать. В Superjet доля иностранных комплектующих составляет 67%. Это всеми сторонами подтверждено, в том числе президентом корпорации Finmeccanica. Оценивать эффективность работы по ситуации на рынке гражданской техники очень правильно. Потому что есть огромные номенклатурные списки техники, где все на 100% сделано в России. И тут просто не должно быть иллюзий: конечно, много военных изделий на 100% российского производства - но поводом для оптимизма может быть только факт успешной конкуренции на международной арене в рыночных условиях. Оценка успеха промышленности по закупкам Минобороны – это тот же самый путь в никуда, о котором я вначале сказал. Подчеркну, экспорт в нерыночных условиях – тот же вариант самообмана: госзакупка какой-нибудь Венесуэлы – это не подтверждение конкурентоспособности.

А вот, скажем, Ми-8, Ми-17, которые совершенно справедливо уже здесь обозначили, как один из очень сильных конкурентных преимуществ в России – да, действительно, даже Пентагон ставил вопрос перед Конгрессом США, чтобы закупки для афганской миссии были именно Ми-8, Ми-17. Это по-настоящему прорывной проект. Но это заслуга Михаила Леонтьевича Миля — и к современной ситуации в российской промышленности имеет мало касательства, то есть я прекрасно знаю там многие нюансы и с огромным уважением отношусь к тем, кто проект ведет, но отличное соответствие машины требованиям рынка – это заслуга Михаила Леонтьевича.

Подчеркну: когда мы говорим о наших конкурентных преимуществах, то надо сразу говорить об объеме экспорта на международный рынок. И вот здесь важно просто сопоставить объем продукции, которую мы можем произвести на предприятиях, с объемом сделок, необходимых для того, чтобы деятельность была рентабельной. Вот из этого сопоставления придет понимание, что единственный сценарий высокоэффективной экономической деятельности для нашей промышленности — это встраиваться в международные цепочки поставщиков. Гнаться за производством конечной продукции, выходить со своим самолетом там или еще с чем-то – это вообще, мне кажется, парадигма неправильная.

Быть надежным поставщиком - это тоже очень уважаемая работа и весьма прибыльная в случае конкурентоспособности производителя. Вот посмотрите, Мексика: не имеет ничего подобного нашему в бэкграунде - ни конструкторской школы, ни серьезных инженерных школ, никакого Михаила Леонтьевича Миля-мексиканца. А сегодня Мексика занимает 6-е место по поставкам в США продукции авиационного назначения.

Муж27. Простите, вы хотите сказать, что ракеты на аутсорсинг в Россию для американских F-16?

Родин. Нет. Единственное, что хочу подчеркнуть, что мы гражданский сектор на глобальном рынке должны использовать для оценки того, мы конкурентоспособны или нет. И вот если бы Boeing не был столь успешен в гражданском секторе, я уверен, что он не получил бы и военных контрактов. А у нас прямо противоположная ситуация. У нас сначала определяется, кто будет исполнять военный заказ, а потом его пытаются принудить к эффективной конкуренции в гражданском секторе, то есть у нас полностью логика изменена на противоположную той, которая есть у успешных международных холдингов.

И поэтому то, что у нас нефтедоллары пошли в какие-то предприятия, в какие-то моногорода и там развился малый и средний бизнес, как только что говорили – я считаю, что это не есть свидетельство какой бы то ни было эффективности. Людям деньги дали –

они пошли в парикмахерскую и в ресторан, их потратили. А что они еще должны с этими деньгами делать? Этот оборот учитывается статистикой, но повода для оптимизма здесь нет. Другое дело, если в каком-нибудь моногороде стали производить какие-то мелкие детали, которые стали покупать в Евросоюзе – это, действительно, повод для гордости и действительно это критерий, поскольку в таком случае создана точка роста. Но вот, к сожалению, у нас даже в системе оценок нет сейчас такого подхода, и мы не оцениваем точки роста, а смотрим, сколько люди потратили, условно, в ресторанах. Да сколько получили, столько и потратили.

Крутихин. Я должен попросить прощения за то, что так врываюсь, можно сказать, как непрофессионал. Ну отчасти непрофессионал, поскольку мой внук все-таки дослужился до офицерского звания в норвежской натовской армии, а потом вместе с группой из 60 офицеров уволился в знак протеста против реформы этой армии, так что тут тоже как-то не последнее дело.

Муж29. Патриотично.

Крутихин. Ну, нет, он патриот Норвегии скорее, а не России. Но у меня замечание методологического характера. У нас здесь идет обсуждение, даже не обсуждение, а все-таки констатация фактов. Констатирующего содержания нашей беседы очень много. То ли мы пытаемся подменить собой общественный совет при Шойгу, то ли еще каким-то образом. Вы знаете, чего мне не хватает, когда мы делаем аналитические работы? Мне не хватает какого-то развития, то есть надо посмотреть в будущее, что будет, что мы предсказываем. Это раз.

Второе: от каких-то предсказаний, на которые мы можем отважиться, мы можем перейти даже уже к следующему этапу, это уже к рекомендациям. Уж кому рекомендовать, остается под вопросом, но все-таки отважиться на это можно. Эти этапы, я думаю, были бы немыслимы без определения системы координат. Мы своей оборонной промышленностью и вообще всем ВПК и своей армией чего хотим добиться? То ли мы хотим объявить всем, что кругом враги, и мы вооружаемся, чтобы в будущем отразить какое-то нападение? То ли мы собираемся на кого-то напасть в результате, скажем, сильнее обострения экономического кризиса внутри страны, для того чтобы... Нам нужна маленькая победоносная война, как когда-то говорилось.

Или же, есть еще фантастический вариант, мы встраиваемся в цепочку каких-то других поставщиков того же самого вооружения, мы начинаем сотрудничать вместо того, чтобы противопоставлять себя всему остальному миру. Вот когда мы определим систему координат и когда мы посмотрим все-таки, куда мы идем дальше, тогда мы, может быть, выйдем на какие-то рекомендации. А так мы будем сейчас просто обсуждать и говорить: «Вот в этой отрасли не очень хорошо, вот тут вот у нас, извините, судостроительная промышленность в полной заднице, потому что там и индийцы даже уже начали жаловаться и так далее». Ну что? Будем констатировать. Давайте все-таки перейдем к более творческому обсуждению.

Мовчан. Сейчас. Перед тем как Борису сказать, буквально одну короткую фразу. У нас как у Центра Карнеги есть некоторый опыт общения с администрацией президента на тему того, что можно и что нельзя делать в России. И вот не раскрою, наверное, большого секрета, но оттуда был уже достаточно давно и очень четкий сигнал, что «вы можете писать что хотите, у нас свобода слова, но только, пожалуйста, не давайте рекомендаций, нас это раздражает». Может быть, поэтому так у нас это все и происходит. Прогнозы можно, да.

Оникул. Можно буквально пару слов по поводу как раз уважаемого коллеги запроса по поводу — зачем в принципе нужен ВПК. Это, опять же, мнение абсолютно не профессионала, я просто по аналогии с хорошо мне известной историей, с почтовой отраслью вообще во всем мире. Вот я хочу сказать, что... И она, кстати, парадоксальна. Это как-то близко, потому что у нас есть 39 тысяч отделений в России, из которых окупается только 10. Десять тысяч отделений окупается, нет, но не все так плохо. Но все остальные отделения невозможно закрыть, несмотря на то что это ужасно экономически невыгодно — их содержать, просто потому, что это некая социальная функция, то есть отделение где-то, в какой-то деревне, это некий центр жизни.

Вот это очень интересно. Для меня сегодня было связано с тем, что у нас есть моногорода. Сколько? 139 Андрей сказал, да? 129, да, которые, в общем, живут фактически за счет ВПК. Поэтому стоит ли обсуждать, зачем нам ВПК в принципе? Оно, постольку, поскольку экономических никаких цифр, как выяснилось, у нас нет, то с экономической точки зрения тут нечего обсуждать, но можно обсуждать с социальной. Да, и, извините, я хочу вернуться к почте. Не знаю, будет ли это открытием для многих или все знают, но, например, в US Post (американская) дотации со стороны государства — 10 миллиардов, даже доходит до 12 миллиардов долларов в год только по одной причине: потому, что они считают, что почта — это некая государственнообразующая структура, которая должна быть.

Муж29. Общественное благо.

Оникул. Общественное благо, абсолютно, я согласен. Общественное благо.

Муж29. Без почты жить не могут, но могут жить без ВПК.

Оникул. Как выясняется, население этих городов тоже не может жить без ВПК, поэтому тут так или иначе. И я хотел бы просто... Я закончу, я не хочу долго тут эту тему мусолить. Я хотел сказать еще одну вещь, зачем в принципе могла бы быть нужна ВПК вне зависимости от ее экономической эффективности. Все-таки мы все — люди, уже помнящие, по крайней мере, хорошо Советский Союз. И все, наверное, помнят, что все-таки ВПК в Советском Союзе был неким центром идей. Я знаю просто потому, что у меня родители оба так или иначе были связаны. Это была некая кузница кадров, в том числе и в науке, и в прикладной науке. Это был некий локомотив.

Так вот, к сожалению. На мой взгляд, вот это сейчас очень сильно потеряно, потому что из моего опыта общения с людьми, которые пытались работать в ВПК, все вынуждены были уйти. Причем люди очень энергичные, умные, хорошо образованные и могущие, в принципе, приносить большую пользу, они все говорят буквально одно и то же. Две самые большие проблемы — не деньги, даже не технологии.

Первая — это система отрицательной селекции, то есть чем ты хуже (по своим человеческим качествам хуже), тем выше ты поднимаешься. Нет, не по профессиональным, именно по человеческим качествам. Ты поднимаешься выше. И второе — это глобальный недостаток специалистов на среднем уровне, то есть то, что у нас, в Советском Союзе, называлось молодыми специалистами, то есть, условно говоря, разрушена система подготовки. Мне кажется, что, может быть, вот это стоило бы не рекомендовать, так как Андрей сказал, что рекомендовать нельзя, а просто донести как некую мысль. Спасибо большое.

Мовчан. Спасибо. Да, я единственное хочу сказать секунду, что мы можем сидеть-то, конечно, всю ночь, но просто мы уже давно нарушили график.

Перенджиев. Разрешите все-таки мне, потому что все выступили, а мне еще слово не давали.

Мовчан. Так нет, пожалуйста, я говорю, мы можем сидеть сколько угодно, просто уже никто не обязан.

Перенджиев. Нет, я просто хотел обратить внимание, что все-таки я являлся офицером одного из предприятий, относящихся к оборонно-промышленному комплексу, увольнялся в 2009 году с должности зам. начальника 53-го Центрального проектного института Минобороны России, который в дальнейшем был преобразован в АО и стал составной частью холдинга «Оборонстрой». Кстати, сам офис «Оборонстроя» сейчас находится в здании вот этого бывшего 53-го ЦПИ возле метро «Фрунзенская» внутри военного университета.

Но я сейчас немножечко о другом, точнее, я считаю, что о чем мы не поговорили, но я тезисно, я тут не буду, так сказать, лекции читать. Три момента. Мы, мне кажется, мы все-таки не останавливались, только так элементарно, — на системах государственного управления или системах государственного регулирования военной экономики, то есть мы об этом вообще как-то вскользь. Второе: знаете, мы вообще не говорили о механизмах функционирования военной экономики, как-то тоже, просто вскользь что-то, какие-то там картинки. И, знаете, еще третий момент, наверное, совсем мало, о чем говорили, — о системе отмывания денег в системе военной экономики. Я вам все-таки хотел бы вот эти три сюжета чуть-чуть раскрыть, слегка.

Во-первых, если говорить о системе государственного регулирования, я вам хочу сказать, что у нас, как правильно многие заметили, здесь разношерстная система и единой системы нет. Понятно, что есть Военно-промышленная комиссия, возглавляемая президентом, есть президиум этой комиссии, возглавляемый Рогозиным. Но когда дело касается предприятий, их подчиненности, то я хотел обратить внимание, что там далеко не все относятся и к Минобороны и есть у нас предприятия, подчиненные Минпромторгу. Есть предприятия, подчинены и Минэкономразвития. Даже мы забываем, что есть предприятия, подчиненные тому же МВД, даже Росгвардии теперь, МЧС, ФСБ, да, Службе внешней разведки, но об этом вообще никто никогда, вообще нигде ни в каких дискуссиях это вообще никто не говорит.

Потом, смотрите, механизмы функционирования экономики. Я только один штришок (потому что долго раскрывать), который... Я вам просто одну картинку нарисую, а вы просто уже для анализа. Скажем, в Чапаевске где-то году в 2011-м происходят взрывы снарядов во время утилизации, и, как всегда, в СМИ развиваются вопросы, так сказать, безопасности на объектах предприятий Минобороны. Я решил исследовать вопрос и вдруг узнаю, что это предприятие не Минобороны, а Минпромторга занимается (там так называемый испытательный центр «Поле») как раз не столько утилизацией, сколько испытанием нашего вооружения.

То есть, понимаете, вот тут лежат снаряды, а вот тут испытывают оружие. Можете себе представить, что очень легко нарушение техники безопасности и так далее. Оказывается, утилизация происходит по государственной программе, деньги находятся у Министерства обороны. Министерство обороны проплачивает. Но что? Я все-таки о механизмах, да? Эти

снаряды должны утилизировать гражданские специалисты. Их утилизируют обыкновенные солдаты срочной службы. Вот вам, так сказать, одна из систем, где работают, то есть как бы не тратятся деньги и так далее. Вот система отмывания денег.

А теперь я хотел вам — самое интересное — рассказать о моем опыте работы, именно что касается системы отмывания денег в проектом институте. Да нет. Да, вы зря так думаете. Да, я понял, что вы в предвкушении. Значит, послушайте. Речь идет не об откатах, ни о чем. Я вам другие цифры приведу. Дело в том, что таких предприятий... У нас в свое время, в советское время, а потом в России, были такие предприятия, где работали офицеры, в данном случае вот проектный институт. Там должности все были — офицеры занимали не ниже майорской, неважно, лейтенант приходил сразу на майорскую должность. И зарплата поэтому... Я беру, например, среднюю зарплату на 2008 год. Средняя зарплата офицеров составляла 30 тысяч рублей.

Таких предприятий была тысяча. Это вам как для экономистов рассказываю. На каждом предприятии работало примерно 100 человек. В месяц — вот в месяц, уважаемые, — если вы посчитаете цифру, а я посчитал, значит, получается 3 миллиона рублей. Это выдача зарплаты офицерам этих предприятий. Я к чему это рассказываю? Дело в том, что все офицеры этих предприятий, начиная с советских времен и кончая российскими, получали из прибыли этих предприятий. Даже более того, нам в нашем институте даже офицерам одно время платили из прибыли предприятия даже пайковые. Так вот пайковые прекратили платить, как пришла новая бухгалтерша из другого проектного института и сказала: «А с чего это мы платим пайковые? Должно Министерство обороны платить». И добились, да, что стало платить Министерство обороны.

Буклемишев. Можно спросить? Прибыль откуда бралась?

Перенджиев. Прибыль проектного института?

Буклемишев. Да.

Перенджиев. Проектный институт разрабатывал проектную документацию и ее продавал, за это получал деньги, так сказать, за свою проектную продукцию.

Буклемишев. Искусственные издержки.

Перенджиев. Да. Нет, я хотел бы обратить внимание вот на что. Вы сейчас мою мысль еще не поймали. Сейчас я все-таки хочу, чтобы вы ее поймали. Дело в том, что у нас нет в законе и в бюджете офицеров, которые делятся на тех, кто получает деньги из бюджета и из прибыли предприятия. Понимаете? То есть все эти деньги на зарплату, на денежное довольство, они всегда закладывались (и в советское время, и в российское) в зарплату, в денежное довольствие офицеров.

И Сердюков, который прибыл, он просто понял это, что кто-то... Я не знаю, может, он и знал этих лиц, я не буду говорить. Что это не на него схема работает. Кто-то, значит, очень хорошо эти деньги гребет. Я даже уверен, что это еще источник, может, там цифра намного больше, но 3 миллиона, по моим подсчетам, реально ежемесячно просто уходило конкретно налево, а покрывалось за счет прибыли этих самых предприятий. Я всегда удивлялся, почему я, офицер, получаю из прибыли предприятия, когда я должен получать деньги из бюджета. Особенно стал задумываться, когда были задержки денежного довольствия, что у предприятия нет прибыли.

Буклемишев. Это кооператив, по сути.

Перенджиев. Да. Поэтому Сердюков, разрушив эту схему, почему-то и был в конечном... Так сказать, его убрали. Ну там, наверное, может, говорят, другие причины, но я думаю, что...

Зацепин. Не только эту схему, наверное, разрушил.

Перенджиев. Не только эту схему разрушил, да. То есть, пойдя по пути просто снятия погон на всех этих военных предприятиях, сказав, что это будет в дальнейшем акционерное общество, он фактически эту схему просто зачистил. Понимаете? Я еще раз говорю, но об этом, к сожалению, вообще нигде не читал, нигде не слышал, никто об этом ни в исследованиях не говорил и так далее.

Баунов. Сейчас будет написано на сайте «Карнеги».

Перенджиев. Ну и замечательно. Все, пожалуйста. А то вы тут какие-то скучные вещи рассказываете, я вас повеселил чуть-чуть.

Чиркова. Да, если есть желающие слушать, я могу три минуты.

Мовчан. Есть два человека, два желающих говорить.

Чиркова. Когда началось заседание, я не собиралась выступать, потому что я понимала, что совсем не по теме, но поскольку тут несколько выступающих сделали заходы в эту сторону, я очень коротко скажу. Был задан такой важный вопрос, мне кажется, на который меньше всего отвечали: «А какие еще неэкономические факторы действуют?» Вот я на него хотела ответить. Во-первых, здесь все почему-то говорили о ВПК, тогда как в техзадании им было сформулировано «военная экономика», которая, конечно, гораздо шире. Мы с Андреем обсуждали до начала мероприятия, что я сюда отношу и, например, устройство беженцев из так называемой Донецкой республики в наших южных регионах. И местная элита обзавелась новыми домами в Москве, квартирами, потому что понятно, что у этих беженцев нет счетов и все это шло через наличные, а кому и сколько выдавали и все ли раздали — бог весть.

А хотела я сказать не про это, а вот один фактор, который действует. Многие историки говорят, что российское сознание — это сознание ресентимента. Коротко, ресентимент — чувство враждебности к тому, что субъект считает причиной своих неудач (к врагу), бессильная зависть, тягостное осознание тщетности попыток повысить свой статус в жизни или в обществе. Ресентимент является более сложным понятием, чем зависть и неприязнь, и заключается в сублимации чувства неполноценности в особую систему морали.

И я как раз летом слушала целый цикл лекций по политической истории России, где рассказывалось именно об этом и говорилось, что вот это чувство, оно нас и привело туда, где мы есть. Я просто три очень коротких примера из этих лекций. Там был блестящий пример: когда Петр I начинал строить Петербург, он отвоевывал эти земли у шведов. И на шведских землях там была прекрасная крепость Ниеншанц, которую наши заняли и сровняли с лицом земли, а взамен построили Петропавловскую, тогда как Ниеншанц имела военное значение, а Петропавловская никакого. Просто чтобы потом говорить, что это исконно русские земли, а они на самом деле исконно шведские.

Да, и утверждалось, что такие действия имеют долгоиграющие последствия, они привели к революции, а она, соответственно, привела к тому, то мы имеем сейчас. Екатерина II разделила Польшу, получила прямую границу с Германией, в результате мы получили Первую мировую, через много лет, но получили. И Павел I, который, как вы знаете, был казнен заговорщиками, он экспансионистские устремления Екатерины пытался частично остановить. Он приостановил поход в Иран. И заговорщики ставили ему это в вину, потому что на всех уровнях общественного сознания, не только народ, но и высокие слои (дворяне, знатные люди) считали, что экспансия империи должна быть.

Но что он успел сделать? Он не все войны прекратил. Он ввязался на стороне Австрии против Франции. А почему Австрия начала воевать против Франции? Потому, что надо было задушить демократию в Европе, а то всем будет плохо, потому что везде монархии. И состоялся знаменитый переход Суворова через Альпы, который на самом деле был поражением России, наша армия была разгромлена, но у нас он был героизирован. Мы ввязались в войну на стороне Австрии против Франции, но в итоге всем было хуже, то есть Франция получила монархию и Наполеона, а мы получили войну с Наполеоном. Итак, из-за нашего ресентиментного сознания мы получили главные войны, а именно Отечественную войну 1812 года, Первую мировую. Да и войны с Турцией этого же порядка. И Японская война.

Поэтому если тут говорилось, что советов давать не надо, но прогнозы можно, мой такой: это все у нас действует, никуда не делось. И поэтому прогноз резко негативный — военный сектор будет неэффективным, будет расти, квази-военные расходы будут включать такие траты, как помощь беженцам, мир которых был искусственно взорван и так далее, или чистые расходы на войну в Сирии, потому что в корне лежит вот такое сознание. Вот здесь брошюра, я успела текст Колесникова просмотреть, действительно, согласно опросам, когда наши в Сирии что-то делают, общественное мнение положительно реагирует, и рейтинг Путина идет наверх.

Мовчан. Эти брошюры можно забирать, там есть очень интересная вещь. Можно я в микрофон скажу? Хотя это на сайте Carnegie.ru уже написано. Опросы показывают, я думаю, не даст соврать коллега из «Левады», что консенсусный объем затрат на оборонный сектор, с точки зрения опроса населения, это 50% бюджета. Вот это та консенсусная цифра, которую люди выдают в ответ на вопрос «а сколько, по-вашему, правильно тратить на оборону».

Крутихин. Удивительно, что это не 146.

Мовчан. Нет, но почему? Они же разумные люди, они считают, да. Но вот половину бюджета россияне готовы тратить на оборону.

Сулькис. Несколько мыслей, которые неоднородны, но, мне кажется, важны, по крайней мере для меня, и сегодняшний разговор их подтвердил. Первое — это то, что превалирующая реальная роль ВПК и всего, что вокруг, — это социальная сфера. Вот как ни пляши, но это объективно не производство, все это очень вторично. Это просто способ раздачи денег. Социальная сфера может быть более эффективной, может быть менее эффективной. Наверное, наша далеко не самая эффективная, но для этого тоже есть свои основания.

Потому что у нас, мне кажется, какая очень интересная ситуация? У нас идет очень большой разрыв между тем, что декларируется, и тем, что на самом деле делается, потому

что делаются, к примеру, те виды вооружений, которые вроде бы предполагают войну с американцами, к примеру, или с кем-то таким вот серьезным, там типа атомное оружие, еще что-то, а реальные угрозы — это вроде бы басмачи или их последователи. И вопрос: а в какой степени и что делается для того, чтобы нейтрализовать эту угрозу, для того чтобы создавать, не знаю, спецподразделения, которые на самом деле способны с ними бороться, необходимые им средства связи, средства обнаружения?

По всей видимости, было бы достаточно некоторой части от атомных подводных лодок, для того чтобы кардинально с басмачеством ситуацию сделать более прогнозируемой и менее опасной. Делается, не делается — не очень понятно, потому что я не специалист, я не знаю, что делается на самом деле. Судя по тому, что видно, делается не это, делается не то. Означает ли это, что люди, принимающие решения, и басмачей не считают реальной угрозой, а просто удовлетворяют те или иные группы лоббистов? Потому что приходят люди, к примеру, из Северодвинска, стучат касками около Кремля и говорят, что будет икс безработных. И в результате возникает очередная атомная подводная лодка.

Совершенно отдельный вопрос, что, похоже, все надеются, что этой атомной лодкой не придется воспользоваться, потому что если бы всерьез полагали, что ей придется воспользоваться по прямому назначению, тогда бы, наверное, готовили экипажи. Я не хочу сказать, что их совсем не готовят, но тут же возникает как раз вопрос про научные школы, то, о чем говорили, в том числе сегодня, по подготовке людей. Наверное, это один из немногих каких-то реальных позитивных возможных наборов следствий, то, что хочешь не хочешь: если у тебя сложные системы вооружений, сложные системы технические, то тебе нужно формировать нормальные вузы, нормальные научно-исследовательские институты.

В конце концов, как это ни смешно, в нормальные институты берут нормально подготовленных школьников, то есть, в принципе, поскольку ни производство нормально не подготовлено, школьников не видно, ни институтов всерьез (вот на практике, не на уровне деклараций), то, на мой взгляд, можно сделать чрезвычайно позитивный вывод, что на самом деле политическое руководство страны не собирается пользоваться атомными подводными лодками, оно собирается их только производить. Как-то вот про это, то есть, мне кажется, очень важно здесь понимать, что есть PR для внешнего употребления, PR для внутреннего употребления, а что есть реальные угрозы, чего бояться населению, чего бояться нам самим. Об этом как-то и нужно думать.

Мовчан. Окей, спасибо тем, кто выжил. Мне самому надо бежать укладывать сына тоже.

Чиркова. Поздно ложится.

Мовчан. Но это просто он меня ждет, я сегодня просто отец-одиночка. Спасибо. Тогда еще раз по логистике. Наши девушки свяжутся по поводу прав на публикацию, и в скором времени все, что будет разрешено, появится на сайте. Карнегианские брошюры на столе рядом с вином, тоже просьба брать, кому интересно. Спасибо.